

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра психологии развития
Кафедра социальной психологии

ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСИМОСТИ: профессиональный тезаурус

Самара
Издательство «Самарский университет»
2011

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159
ББК 88.8
П 86

Рецензент:

Петровский Вадим Артурович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией персонологии развития Института развития дошкольного образования РАО, профессор кафедры психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Московского психолого-педагогического университета, профессор ГУ Высшая школа экономики.

П 86 **Психология зависимости: профессиональный тезаурус**
[Текст] / под ред. К.С. Лисецкого, Е.В. Литягиной. – Самара :
Изд-во «Самарский университет», 2011. – 138 с.
ISBN 978-5-86465-526-9

Научное издание предназначено для специалистов, занимающихся профилактикой наркомании среди подростков и молодежи. Содержит основной профессиональный тезаурус психологии зависимости, описание ценностно-смысловой сферы личности как ориентиров взросления современной молодежи, приведены результаты новейших исследований ценностей подростков и молодежи на различных этапах наркотизации и не употребляющих наркотики. Проблематика издания согласуется с приоритетами государственной антинаркотической политики Российской Федерации.

УДК 159
ББК 88.8

*Перепечатка материала допускается только со ссылкой
на данное издание.*

Издание подготовлено при поддержке РГНФ (№ 11-36-00238)

ISBN 978-5-86465-526-9

© Лисецкий К.С., Литягина Е.В.,
Самыкина Н.Ю., Серебрякова М.Е.,
Ушмудина О.А., 2011
© Самарский государственный университет,
2011
© Издательство «Самарский университет»,
оформление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4	
Глава 1. Психология наркотической зависимости	9
1.1. Понимание наркотической зависимости в категориях психологии	9
1.2. Роль чувственно-телесного компонента в развитии наркомании в период взросления	15
1.3. Воспитание и девиантность: отчужденная телесность. Ошибки профилактики подростковой и юношеской наркомании.....	20
Глава 2. Изменение личности в процессе наркотизации	24
2.1. Анализ отечественных и зарубежных исследований личностных изменений в процессе наркотизации	24
2.2. Особенности наркокультуры и языка наркозависимых.....	30
2.3. Наркотическая личность	43
3.1. Роль субъектной активности в становлении ценностно-смысловой сферы личности	47
3.2. Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной саморегуляции	68
3.3. Влияние особенностей ценностно-смысловой сферы и саморегуляции личности на формирование аддиктивного поведения	78
Глава 4. Исследование ценностно-смысловой сферы современной молодежи на различных стадиях наркотизации и не употребляющей наркотики	88
Заключение	117
Список литературы	122
Авторский коллектив	137

ВВЕДЕНИЕ

Проблема негативных зависимостей среди подростков и молодежи в нашей стране по-прежнему стоит очень остро, особенно это касается наркотической зависимости. Меры по устранению этого явления применяются на разных уровнях и различными ведомствами. Однако эффективность этих мер остается довольно низкой. В настоящее время в России Указом Президента № 690 от 9 июня 2010 года утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (далее Стратегия).

Необходимость принятия такого документа вызвана объективными обстоятельствами: негативной динамикой наркоситуации в России и в мире в целом, появлением новых видов наркотических веществ, демографическим спадом, и снижением числа здорового населения, в том числе вследствие распространения наркомании.

В Стратегии государственной антинаркотической политики современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения.

Главной целью Стратегии признается существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства. В связи с чем, обозначается необходимость консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан Российской Федерации по пресечению распространения на территории нашей страны наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В Стратегии декларируется отсутствие государственной системы мониторинга развития наркоситуации. Также указывается на недостаточно эффективную организацию профилактической деятельности, медицинской помощи и медико-социальной реабилитации больных наркоманией, на недостаточность использования потенциала общественных объединений и религиозных организаций. Все это отрицательно сказывается на эффективности государственной антинаркотической политики.

Несомненно, человек, страдающий наркозависимостью и привлеченный к ответственности в соответствии с федеральным законом РФ, должен иметь возможность выбора между лечением и наказанием. Эта идея отражена в Стратегии в пункте о «введении в законодательство Российской Федерации норм, предоставляющих подсудимым, больным наркоманией и признанным виновными в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, возможность выбора между лечением и уголовным наказанием, а также устанавливающих механизм контроля за принятыми данной категорией лиц обязательствами по лечению и ответственность за их невыполнение».

Особое внимание органов, занимающихся решением проблем наркомании, согласно Стратегии следует обратить на первичную профилактику. В первую очередь это касается детей, подростков и молодежи. Именно на этом направлении сконцентрирован круг научно-исследовательских и практических интересов специалистов психологического факультета более 15 лет. Всесторонний анализ проблемы показывает, что первичная профилактика молодежного наркотизма должна быть направлена на десенсибилизацию факторов риска и на усиление препятствующих факторов в сфере существования различных ипостасей человека: индивидуальной, личностной, субъектной, социальной.

Субъектами профилактики, наряду с медицинскими и образовательными учреждениями, правовыми, социальными структурами, признаются также общественные объединения и религиозные органи-

зации. Несомненно, общественные объединения и религиозные организации в соответствии с уставной деятельностью организации вправе участвовать в профилактике немедицинского потребления наркотиков и социальной реабилитации лиц, потребляющих наркотики. В связи с отсутствием системы строго контроля специфики деятельности подобных объединений результат может оказаться прямо противоположным. Не всегда религиозно-ориентированные организации способны проводить адекватные профилактические мероприятия. Результатом их профилактической и реабилитационной деятельности может быть не свобода от употребления наркотических препаратов, а смена у человека одной зависимости (наркотической) на другую (от идеологии данной организации). Особенно это касается нетрадиционных религиозных организаций (деструктивных сект и культов). По данным проведенного нами психосемантического исследования религиозных и нерелигиозных программ профилактики наркомании, религиозные программы профилактики положительно влияют на динамику «выздоровления» и поддержания ремиссии, однако, могут привести к «уплощению», упрощению видения мира. Духовно-ориентированные программы будут эффективны в том случае, если они способствуют становлению внутренней системы самоподдержки человека, который будет способен «противостоять» рецидивам своей зависимости, так как станет целостным субъектом, действующим осознанно и целенаправленно активно.

По нашему мнению, профилактические меры общественного, административного и медицинского характера, на которых строится система мер по сокращению спроса на наркотики и оздоровление населения России, будет явно не достаточна без усиления психологического воздействия. Игнорирование психологического аспекта, или постановка его на второй план приведет к очередной неудаче в проведении профилактики наркомании. Давно известны факты устойчивости к наркотической контаминации у одних людей и развитию зависимости у других, при схожести политической, идеологической, социальной, образовательной ситуации.

Результаты многочисленных эмпирических фактов, полученных нами в ходе многолетних исследований, заставляют нас поставить под сомнение существование так называемой «группы риска» по развитию наркомании. Особенно это касается подростков, для которых само прохождение подросткового возраста становится фактором риска отклоняющегося поведения. Анализируя корпус работ по проблеме, мы составили список феноменов, которые интерпретируются авторами исследований как возможные причины наркомании. Итоговый список составил 116 пунктов. Соотнесение этого списка с особенностями популяции показывает, что все население России составляет группу риска по наркомании. Это приводит нас к выводу о том, что никакой причинной, целевой или смысловой определенности в дебюте наркомании не существует.

Факторы защиты от наркотической контаминации содержатся в самой личности. Профилактика – это не «рассказать о вреде наркотиков», не исказить информацию, вызвав недоверие у целевой аудитории, не показать результаты приема наркотических средств, не напугать и не запретить и не повторить в многотысячный раз тривиальное. Подобные меры не эффективны. Это положение, проверенное десятилетиями подобной профилактической работы. Сведение профилактики к только лишь формированию негативного отношения к незаконному обороту и потреблению наркотиков и пропаганде здорового образа жизни не даст стойких желаемых результатов. Профилактика – это работа с личностью человека, с его субъектностью (авторством в собственной жизни) в условиях актуальных для него ценностей, когда он вынужден решать свои собственные задачи взросления.

Несомненным достоинством новой Стратегии является решение о включении в основные и дополнительные образовательные программы общеобразовательных учреждений и учреждений профессионального образования разделов по профилактике злоупотребления психоактивными веществами, а также программ, направленных на соответствующие целевые аудитории. И реализация этого пункта потребует серьезной подготовки специалистов, отвечающих за проведение про-

филактических программ. Этим специалистам необходимо будет специально обучать не только теоретическим основам профилактики, но и современным программам психологической профилактики наркомании и других видов зависимости. К сожалению, наркотизм как социально-психологическое явление гораздо гибче и динамичнее, чем реакция профессиональной среды (специалистов-практиков и теоретиков). При проведении профилактических мероприятий следует отдавать предпочтение сочетанию индивидуальных и групповых методов работы, освоения и раскрытия ресурсов психики и личности, поддержки молодого человека и помощи ему в самореализации собственного жизненного предназначения.

Данное научное издание предназначено для специалистов, занимающихся профилактикой наркомании среди подростков и молодежи. Содержит основной профессиональный тезаурус психологии зависимости, описание ценностно-смысловой сферы личности как ориентиров взросления современной молодежи, приведены результаты новейших исследований ценностей подростков и молодежи на различных этапах наркотизации и не употребляющих наркотики. Проблематика монографии согласуется с приоритетами государственной антинаркотической политики Российской Федерации.

ГЛАВА 1. ПСИХОЛОГИЯ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

1.1. Понимание наркотической зависимости в категориях психологии

Проведенный анализ письменных и устных текстов, характеризующих состояние наркотического опьянения, позволил нам систематизировать многозначность и метафоричность описаний этого явления. Мы обнаружили некоторые отличия стереотипных характеристик предлагаемых в СМИ, рекламе, популярной литературе от характеристик, полученных в ходе психологических бесед и анализе результатов проективных тестов субъектов, употреблявших наркотические вещества. Описания чувств и переживаний, связанных с наркотиками были значительно подробнее и детальнее, чем описания любых других чувств и переживаний. Насыщенность текстов множеством признаков, сравнений показывает наличие большого опыта вербализации этого рода состояний. Описания других значимых переживаний теми же респондентами выглядели бледнее и обрывочнее.

Термины, приводимые в отчетах и комментариях респондентов (потребителей ПАВ), многократно уточнялись, после чего, «переводились» на язык психологии. К сожалению, нам не удалось полностью исключить метафоричность в описаниях наркотического опьянения, однако, это не помешало «уловить» именно психологическое содержание изучаемого явления, а также выявить много общего в разнородных характеристиках различных психических зависимостей. Во избежание стигматизации, возникновения внушенных и самовнушенных впечатлений, мы с особой тщательностью обращались с высказываниями подростков.

Известно, что различные наркотические вещества не одинаково влияют на организм человека. Опиаты, барбитураты, снотворные, психостимуляторы, галлюциногены дают различные эффекты при их употреблении. Однако, в процессе исследования мы исходили из положения: «наркомана создает не наркотик, а особого рода «развитие»

его личности в условиях употребления наркотиков». Это помогло нам найти ответ на вопрос: Почему наркокультура столь длительное время сохраняет свои позиции даже там, где наркотики давно отсутствуют? Почему отношения наркоманов могут воспроизводиться в условиях других больших и малых социальных групп и культур?

Наши исследования подтвердили известное положение о том, что употребление наркотиков способствует появлению и развитию новых качеств в личности их потребителя. Качеств, которых в личности ранее не было или они не доминировали, однако в дальнейшем, приобретенные в период наркотизации, эти качества сохраняются независимо от того, продолжает человек употребление наркотиков или нет. Качественные изменения затрагивают мотивационную, коммуникативную, волевою и смысловую сферу наркозависимой личности.

В связи с этим мы рассматриваем психологическую зависимость как особую активность личности потребителя наркотиков, которая сама является причиной последующего формирования специфических особенностей, новообразований в поведении, сознании и самосознании потребителей ПАВ. Возможно, именно поэтому наркотическая зависимость столь психологична, а ее только медикаментозное лечение столь неэффективно. Проблема заключается в том, что **начинает употреблять наркотики одна личность, а выздоравливать должна будет уже совсем другая.**

Основная потребность новой наркозависимой личности – это потребность в изменении своего душевного состояния, в переживании «новизны приятной неизвестности», психологической целостности, которые способствуют появлению новых качеств в личности потребителя наркотиков и конгруэнтности его «Я-концепции». «Экспериментальный характер» такого рода активности мобилизует даже интернальность личности (склонность принимать на себя ответственность за события, происходящие в его жизни, объясняя их своим поведением, характером, способностями), развивая ее внутренний самоконтроль.

Употребление наркотических веществ уголовно наказуемо, поэтому потребитель должен всегда действовать скрытно, не вызывая

подозрений. Жить так, как будто никакой зависимости у него нет. Чтобы все время быть «другим», нужно быть внимательным, осмот- рительным, решительным. Необходимость в постоянной маскировке, игре, лицедействе, способствует развитию социального интеллекта, сложных форм поведения, прогнозирования, рефлексии. Возможно поэтому, высказывания специалистов об интеллектуальной деграда- ции употребляющих наркотики не всегда и не во всем верны.

Описание психологических особенностей состояния наркотиче- ского опьянения помогает понять динамику внутриличностных изме- нений наркозависимого. В чем же заключается состояние, которое «не знает» скуки, усталости, разочарования, а также подлинных чувств, доверия любви и ответственности. Проявления этого состоя- ния весьма парадоксальны. Оно способно повышать работоспособ- ность индивида даже после приема успокаивающих (седативных) средств и снижать ее после употребления порции стимуляторов.

Изменения, наблюдаемые в психической сфере потребителей наркотиков, затрагивают все уровни их психической организации от простейших ощущений до «Я-концепции». Описание изменений ког- нитивной сферы личности наркотизирующего субъекта приведены в табл.1.

Таблица 1.

Изменения в когнитивной сфере

Когнитивный процесс	Характеристика изменений
Внимание	<p>Сосредоточение возникает легко и непринужденно, переживается «здесь и сейчас», но длительная фокуси- ровка на чем-то конкретном затруднена. Внимание хо- рошо концентрируется на чувственных ощущениях. В его поле нет ничего лишнего.</p> <p>Ощущение «невесомости», «способности к полету» таит в себе угрозу непреднамеренного самоубийства, по- скольку возникает желание «выйти в окно и погулять по облакам»</p>

Ощущения	<p>Привычные ощущения изменяются и становятся «интереснее».</p> <p>Наши исследования показали, что изменяются пороги чувствительности и соотношения между раздражениями и ощущениями (константы Вебера).</p> <p>На начальных стадиях иногда возникает легкое головокружение, «поплыло перед глазами», движение «теплых волн» по телу, «воздушное поглаживание», легкое покалывание кожи, сухость во рту и зуд на кончике носа и подбородке. Изменяется проприочувствительность: легкость тела, приятные вибрации во всем теле, прилив сил. Иногда возникают инверсии «знака», то, что обычно ощущалось холодным, кажется горячим, гладкое – шероховатым. Изменяется визуальная перцепция тела. Физические ощущения больше своего Я.</p>
Восприятие	<p>Возникают нарушения восприятия пространства, размеров, вещей, цветов, запахов, звуков, времени и схемы тела. Возможны зрительные галлюцинации скользящего типа, зрительные образы появляются при закрытых глазах. Все события воспринимаются связано, без резких переключений, как единый поток. Неожиданные события не вызывают изменений в дыхании, вздрагиваний, стука в висках, напряжения. Изменяется восприятие времени, пространства и скорости движения.</p>
Память	<p>Усиливается детализация эмоциональной памяти. Как показали наши исследования, избирательно улучшается произвольная память, но ухудшается произвольная.</p>
Мышление	<p>Мышление становится ясным, «благодушным», «всепонимающим». Мысли плывут легко и увлекают чувства. Изменяется оценка текущих ожидаемых и прошлых событий. Но иногда и наоборот, чувства увлекают мысли. Однако, окончательно «додумать» какую-либо мысль не удается, но этот факт совсем не огорчает. При пересказе ассоциаций происходит «провал» в детали. Все они кажутся важными и символическими. Все решения кажутся правильными.</p>

Воображение	Затруднительно отделить процессы воображения от процессов мышления и восприятия. Возможно, эти процессы сливаются. Поток фантастических образов наблюдается очень редко и только при употреблении некоторых (галлюциногенных) наркотиков. Целенаправленно влиять на свои фантазии трудно, все равно, что пытаться разговаривать с диктором, ведущим репортаж с телеэкрана.
--------------------	--

Телесные изменения: соматика, самочувствие, состояние. При употреблении наркотических веществ исчезает состояние дискомфорта, хронические болевые и неприятные ощущения, напряжения и «пустоты» в теле. Дыхание становится свободным и почти незаметным, замедляется пульс. По телу волнами проходит тепло. Внешние границы тела «рассеиваются», внутренние препятствия «исчезают». Локализируются, а затем «выключаются» все очаги неудовлетворенности, тревоги, страха, зависти, стыда, чувства вины. Тело наполняется «самополагающим» движением или покоем. Движения воспринимаются свободными, согласованными и точными. Иногда возникает мышечное напряжение, дрожь в руках, в пальцах, но быстро проходит. Иногда появляется расслабленность до неподвижности. Кажется, что тело становится «послушнее». Если возникает возможность уединиться, хочется поблаженствовать, возможно, поспать. Во сне наблюдается движение глазных яблок, как будто человек видит сны. Однако, разбуженный в этом состоянии человек, затрудняется воспроизвести содержание своих снов.

Наркотическое опьянение создает конфигурацию «новых» границ тела иной чувствительности и размерности. А.Н. Леонтьев писал, что «сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. Они несут ее в себе. Поэтому распадение чувствительности (ее переверзии) порождают ирреальность мира, явления его «исчезновения» (Леонтьев, 1983, с. 261).

Особенности эмоционально-волевой сферы приведены в табл.2.

Таблица 2.

Эмоционально-волевая сфера

Эмоции и чувства	<p>Чувства и мысли плывут в одном направлении, совсем не так как в обычном состоянии. Наплывает радостное возбуждение, предвосхищение душевного и физического подъема. Чувства переполняют, но при этом находятся в равновесии. Чувства приятно немного сдерживать. Появляется легкая влюбленность в себя и уверенность в себе. Чувство «можения» большего, избытка возможного, грудь «распирает» от радости, голова становится «легкой», дыхание замедляется. Появляется чувство повышенной силы, выносливости и уверенности. Однако настроение может меняться циклически: от состояния восторга до «провала» в депрессию и наоборот.</p>
Мотивация	<p>Хочется все больше что-нибудь совершать, проявлять свое могущество. Возникает желание делать все то, что было когда-либо задумано. Однако, приятная чувственно-телесная разрядка, возникающая после употребления наркотика, т.е. до начала осуществления какой-либо деятельности «разъединяет» ее с мотивом совершения задуманных действий. Возникает интеграция мотивов и долгожданное чувство личностной целостности, которые остаются невоплощенными.</p>
Воля	<p>Осознается и приобретает чувственный смысл как свободное могущество в теле и в душе. Появляется отношение к себе как к успешному, самооценка повышается. Интеллект не снижается, а «сужается». Воля, интенция и мотивация дополняют друг друга. Любые действия являются продолжением предыдущего и подчиненно только внутренней логике.</p>

Изменения в самосознании. Личность воспринимает себя как «полную и прямую понятность», но исключительно индивидуальную и уникальную. Если всегда чего-то не хватает чтобы себя чувствовать лучше, то в данном состоянии наоборот, всего хватает и даже есть

что-то большее, избыточное, чем можно распоряжаться совершенно свободно. Однако, воплотить задуманное никогда не удастся.

Сознание легко моделирует позитивное будущее, находит внутри себя много значительного даже в мелочах. Все противоречия и проблемы предстают как разрешимые, а противоположные ценности не отрицают друг друга. Все решения правильны и бесспорны.

Хорошо осознается то, что это состояние может быть продлено по своему желанию, по внутреннему «заказу». Состояние, в котором можно быть самому себе источником самого себя и совершенно понятного мира.

Для нас оказалось совершенно новой информация о том, что в наркотическом опьянении, наркоман не преследует цели утраты сознательного контроля, наоборот, он стремится развивать особый вид самоконтроля, поскольку в случае его утраты может не заметить, а значит не пережить наркотический кайф. Если наступает потеря контроля, то это состояние не осознается и не замечается, «как будто внутри выключили телевизор», «экран погас».

1.2. Роль чувственно-телесного компонента в развитии наркомании в период взросления

Начало экспериментирования с наркотиками, как свидетельствует медицинская статистика, больше всего приходится на старший подростковый возраст. Традиционно это объясняют кризисом подростковой идентичности, утратой детской позитивной определенности, рассогласованием физической, социальной и психологической фаз созревания подростка. Все три фазы в процессе воспитания подростка, так или иначе, должны быть согласованы между собой. Задача воспитания – способствовать их непротиворечивому взаимодействию. Так было на протяжении всей истории человеческого общества. Развитие цивилизации, информатизация и научно-технический прогресс изменили количество времени, необходимого на подготовку ребенка к взрослой жизни. Наступление физической зрелости стало существенно опережать наступление социальной и психологической зрелости.

сти взрослеющего человека, обусловив феномен «развитый, но не взрослый». Такого рода диспропорции внесли существенные изменения в процесс индивидуального взросления ребенка, тогда как система воспитания продолжает придерживаться традиционных принципов и «прививок старины».

Воспитание в широком смысле перестало отвечать глубинным потребностям подростков. Способы решения обострившихся противоречий своего взросления, «расколотого» на отдельные, часто взаимоисключающие друг друга составляющие, подростку приходится узнавать из случайных источников. Задачи педагогических систем воспитания и задачи индивидуального взросления оказались несогласованными. Физически зрелый подросток вынужден часто испытывать чувство страха по поводу того, что его способностей не хватит для удовлетворения его актуальных потребностей и родительских ожиданий. К сожалению, несоответствие роста и развития не исчезает в личности самопроизвольно... Как показывает психологическая практика, это несоответствие может сохраняться на всю жизнь в различного рода комплексах неполноценности, избыточном чувстве тревоги, застенчивости, эмоциональной неудовлетворенности, «организмической подавленности».

В детстве внешняя эмоциональная поддержка родителей выполняет функцию обратной связи и «контура подкрепления» избирательной активности ребенка. Взрослые, помогая маленьким детям, представляли перед ними «всемогущими и всезнающими великанами». К тому же, по мнению детей, взрослые могут делать все, что захотят, принимая по своему усмотрению решения о том, что разрешить ребенку, а что запретить. Взрослые могут «сообщить» смысл любому известному предмету или вернуть его ребенку в случае утраты. Они, взрослые, являются для детей источником новых возможностей, достижений, ресурсов, всего того, что ребенку пока еще непосильно и неподвластно. Это обуславливает в детях развитие мотивации взросления. Взросление открывает ребенку новые возможности и позволяет чувствовать, понимать и проявлять свою независимость по отношению к окружающим предметам и людям.

Мотивация взросления в подростково-юношеский период одновременно фокусирует физическое, личностно-психологическое и социальное взросление. Их противоречивость и рассогласованность может быть преодолена подростком в процессе проявления своей субъектности и рефлексии последующих событий и переживаний. Условием проявления субъектности является ситуативная неопределенность, связанная с актуализацией внутриличностного столкновения противоположных мотивов или ценностей взрослеющей личности. Однако, если подросток в такого рода ситуации совершает инфантильный или адаптивный выбор, основанный на эмоциональной поддержке предложенной ему извне или ради избегания наказания, то происходит задержка формирования главного атрибута взросления – субъектности (ответственной самопричинности) личности.

Воспитывающий взрослый, указывающий подростку однозначное решение в ситуации, требующей от последнего личностного самоопределения, «тормозит» осознанное взросление своего воспитанника, ограничивает его возможности разобраться в главных онтологически значимых вопросах личной жизни.

А.Н. Леонтьев писал, что личность «есть системное и потому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами» (Леонтьев, 1983. Т.1, с. 385).

Определяя личность как «сверхчувственное», он указывает на ее телесно-чувственное, а не бестелесное существование. К сожалению, о чувственно-телесном существовании личности в период взросления педагогическая наука почему-то вспоминает очень редко.

Красноречивый пример бесчувственного отношения к чувственности и телесности человека мы встречаем во втором издании Большой Советской Энциклопедии, где тело представлено всего лишь двумя статьями: «Тело алгебраическое» и «Тело геометрическое». В Философской энциклопедии (1970 г.) упоминание о теле и телесности содержится в историко-философских статьях, посвященных Платону, Фоме Аквинскому, Лейбницу и идеалистической философской антро-

пологии. Таким же «бестелесным» остался и «Философский энциклопедический словарь» (1983 г.). И уж совсем удивительно, что ни в «Кратком психологическом словаре» (1985 г.), ни в исправленном и дополненном словаре «Психология» (1990 г.), ни в учебниках психологии тело, если не считать абстрактных психофизиологических процессов и реакций, вообще не упоминается. Человек вынужден жить в сети запретов на знание о своем теле.

На этом фоне, когда речь заходит о профилактике подростковой и юношеской наркомании, становится непонятным, как она вообще возможна без работы с чувственно-телесной организацией личности. Бестелесная профилактика бессмысленна и бесполезна. Профилактика наркомании может иметь смысл, если подросткам говорят не о том, что наркотики могут повредить здоровью, повторяя одно и то же бесконечное число раз, а о том, что подростка больше всего волнует сегодня, здесь и сейчас, в его теле, в душе, в мыслях, в отношениях. Это особенно важно, когда подрастающее поколение растет в условиях отсутствия прошлых идеалов и непонятного поиска новых. Когда не определены нормы взрослой жизни, профессионального, личностного и национального самосознания.

По мнению Л.С. Выготского, период взросления личности вообще не вписывается в закономерности детского развития. Он говорит о действии иных психологических механизмов возникновения психических новообразований – о появлении самопричинной активности и саморазвитии личности.

Сегодня реализация механизма саморазвития личности в подростковом возрасте затруднена тем, что педагоги и врачи, психологи и родители на самом деле не могут точно и однозначно сказать, какой образ жизни правильный. В результате все воспитывающие взрослые делают, по их мнению, главное – предупреждают подростков о той или иной опасности всего того, что считается опасным, в том числе о наркотиках, оставляя вопросы чувств, телесной и половой идентификации, этнокультурного самоопределения, личной свободы и бессмертия, внутриличностных мотивационных и ценностных против-

речей, субъектности и самооценности, проповедовать и обсуждать коммерческим стихиям СМИ. Если же подростки на определенном этапе перестают слушать старших, а себя они слушать (слышать) по настоящему так и не научились, то на этот случай непослушания существует милиция, которая всегда, если понадобится, успокоит кого угодно.

Итак, «сверхчувственное» не возникает бестелесно. Об этом в первую очередь, не должны забывать те, кто непосредственно занимается воспитанием детей.

Особое место в содержании нравственного воспитания всегда отводилось задачам формирования общественных представлений. Главными в работе с детьми были методы приучения ребенка с помощью упражнений, инструкций, требований к «положительным формам общественного поведения», пример взрослого, показ действий, организация деятельности, методы поощрения и наказания. При достижении подросткового возраста «бестелесно преподаваемая нравственность», чаще всего, оборачивалась рассогласованием детской души и тела, внешнего и внутреннего пространства ребенка, возникновением «онтологической неуверенности».

Сложившаяся ранее правилосообразная и чувственно-телесная рассогласованность в период взросления резко усиливается и приобретает хроническую форму. Подросток вынужден постоянно приспосабливаться, все чаще самостоятельно, не только к окружающему его миру, но к самому себе в обстоятельствах неконтролируемых с его стороны чувственно-телесных изменений. Дефицит субъектных возможностей обуславливает активный поиск ресурсов, которые для подростка становятся предпосылкой экспериментального поведения с опасными и быстродействующими средствами от «страха, скуки, слабости, утомления и др.».

Употребление наркотиков быстро «возвращает» подростку скрытую от него же самого его собственную телесность. Ту самую, телесность, что была «изъята» взрослыми в процессе «бестелесного» воспитания. Возможно поэтому **на первой стадии употребления нар-**

котических веществ зависимость от них проявляется, как нежелание подростка возвращаться в свое «бестелесное» существование. Открытие способностей своего тела может быть причиной нового, более могущественного «Я», которое запоминается подростком физически на всю жизнь.

Сталкиваясь с такого рода явлениями в реальной профилактической деятельности, мы имели возможность тщательно изучить особенности возникновения психического новообразования, которое мы обозначили, как «бестелесное сверхчувственное» в личности подростка. Если «сверхчувственное» задается воспитаннику бестелесно, то вместо того, чтобы расширять свободу его личности, оно ограничивает ее, вступая в конфликт с его чувственностью и телесностью. Понимание этого противоречия помогло нам разработать более эффективные программы психологической профилактики наркотизма в подростковой и молодежной среде.

1.3. Воспитание и девиантность: отчужденная телесность. Ошибки профилактики подростковой и юношеской наркомании

Сегодня процесс воспитания подростка многие специалисты рассматривают как взаимодействие двух процессов: социализации и индивидуализации (Д.И. Фельдштейн). Оказываясь в фокусе взаимодействия социального и индивидуального подросток принимает непосредственное участие в создании теории самого себя – «Я-концепции». По мнению Р. Бернса формирование «Я-концепции» относится к одной из важнейших потребностей человека. А.В. Петровский говорит о потребности индивида становиться личностью и, таким образом, быть представленным и продолженным в других людях.

Российская педагогическая практика, семейная и школьная, показывает что социализация подростка (ролевое, правилосообразное упорядочивание поведения и удовлетворение требований поступающих извне) значительно превосходит необходимую в период взросления индивидуализацию (переживание единственности, чувственно-телесной локализованности, удовлетворение новых, по сравнению с

детством, внутренних запросов развивающейся личности). Внешние образцы ролевого поведения продолжают абсолютизироваться в ущерб живому телу («телесной истории индивида»), нарушая психоорганику жизни взрослеющего человека.

В условиях повышенной онтологической энтропии подросток, вместо того, чтобы ответственно расширять круг своих возможностей и свобод, попадает в зависимость от покровителя, случайно оказавшегося рядом с ним.

Не вызывает сомнений, что ролевое поведение помогает субъекту «оформлять» свою психофизическую активность, но, при этом, не стоит забывать, что такое поведение лишает субъекта самостоятельного выбора, то есть возможности проявить свою индивидуальную субъектность.

Роль требует от воспитанника соответствия внешним требованиям и соблюдения определенных правил поведения, не предоставляя для этого новых «источников энергии или силы». «Энергия» или «сила», о которой идет речь, не что иное, как локализованный чувственно-телесный психофизический ресурс личности. Силу, предназначенную для ролевых действий, воспитаннику необходимо, всякий раз, извлекать «из себя». В этом нет ничего трудного, если тело и душа находятся в динамическом согласии. Но, если воспитанник хронически ощущает нехватку (дефицит) психофизических ресурсов в ситуациях, когда его социально-психологические роли ему навязаны, то, скорее всего, в качестве источника «внутренней энергии» он будет готов искать внешние средства.

В свое время Декарт провозгласил возможность самостоятельного существования души и тела. Душа – по его мнению, только мыслит, то есть существует в рефлексии, тело – только двигается, и таким образом существует в рефлексах.

С тех пор прошло много лет и сделано много открытий. Душа и тело могут действовать в различных временных и пространственных координатах, но раздельное существование им все же не дано. Тело без души это уже не тело, а организм. Душа без тела уже не душа, а непереводаемый текст, невоплощенная идея.

Когда внешние требования среды значительно превосходят или противопоставляются имеющимся у подростка возможностям, у него возникают затруднения, связанные с телесным существованием. Он начинает «отрицать» свое тело (как непригодное для жизни орудие), выражать ему недоверие, несогласие, протест. Все это способствует развитию чувственно-телесной отчужденности или фальсификации его субъективной жизни. Формируется установка на саморазрушение себя как неэффективного, компенсируемая выдумыванием образа своего фантастического «Я».

Отчуждение телесности выражается в деформации общей чувствительности, которая проявляется не только физически, но и коммуникативно (ограничение контактов), и даже событийно (замкнутость, невнимательность, невключенность в происходящее). У взрослых телесное отчуждение способствует развитию психосоматических расстройств. Что касается подростков, то здесь пока не наблюдается достаточного количества исследований по поводу их телесного отчуждения. Однако, это не может останавливать процесс изучения предпосылок возникновения этого феномена. Так, например, в работах А.Ш. Тхостова мы встречаем мысль о том, как несогласованность в деятельности «культурного» и «анатомического» тела вызывает внутри человека существенные физические и психические нарушения. Опираясь на предложенную модель А.Ш. Тхостова и наши собственные исследования, мы считаем, что противопоставление «организмического» и «сверхчувственного» в процессе воспитания подростка, является важной предпосылкой для возникновения, в той или иной форме, психической зависимости наркотического характера.

Это легко показать на примере ситуации, которая направлена на подавление личности подростка. Так бывает, когда воспитатель публично порицая ошибочные действия воспитанника, задевает его личностно значимые качества. Воздействие вроде бы идет на его «сверхчувственное», тогда как реакции возникают в сфере его «организмического». Быстро и резко усиливается дыхание, сердцебиение, давление крови, появляются вегетативные реакции, покраснение или по-

бледнение кожи. Иногда появляются желудочные спазмы и активное потоотделение. Нарушается нормальная саморегуляция всего организма, в условиях, когда никаких физических или химических воздействий на подростка не оказывается.

Аналогичным образом на подобные ситуации реагируют не только подростки, но и взрослые. Разница лишь в степени выраженности тех или иных реакций организма человека.

Человек, все больше привыкая жить в условиях культуры (цивилизации), продолжает, всегда и везде, жить в природе своего тела. Воспитание немислимо без развития навыков управления телесной активностью. Тем не менее, тело человека не принято назвать «субъектом». Но тогда, что такое наше тело? Объект? Такая точка зрения уже послужила возникновению множества как теоретических, так и практических ошибок, существующих и сегодня, особенно в сфере исследований по психологии зависимости. По нашему мнению, в контексте решения проблем зависимости, значительно продуктивнее рассматривать тело человека не как субъект или объект, а как процесс взаимодействия природной и культурной субстанций, не забывая, что культурные (высшие) потребности человека невозможно удовлетворить «бестелесно», точно также как и природные. В связи с этим, потребность быть личностью можно проинтерпретировать, как потребность быть телесным носителем сверхчувственного с развитой способностью к его (сверхчувственного) отражению и трансляции.

Однако, эта способность человека, сама по себе, не обеспечивает «счастливого» содержания «Я-концепции» его личности. Мы, вслед за В.В.Розановым, понимаем, что содержание «Я-концепции» «человека – воспитанного» во многом зависит от того, как трактуется сам термин «воспитанный человек». Для церкви «воспитанный» значит религиозный; для семьи – любящий, преданный; для свободного человека «воспитанный» значит крепкий в суждении, сильный в испытании природы (Розанов, 1990).

ГЛАВА 2. ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НАРКОТИЗАЦИИ

2.1. Анализ отечественных и зарубежных исследований личностных изменений в процессе наркотизации

На наличие личностных изменений, формирование новообразований в сознании и самосознании в процессе наркотизации, указывают многие авторы. «Наркомана создает не наркотик, а особого рода «развитие» его личности в условиях употребления наркотиков» (Ли-сецкий, 2006). Эти качественные изменения затрагивают все сферы личности: когнитивную, эмоциональную, волевую, мотивационно-потребностную.

Исследования различных авторов (Абшаихова, Сирота, 1991; Амосова, 2005; Белогуров, 1997; Deci, Ryan, 1986) показали, что существуют общие черты, свойственные людям, злоупотребляющим наркотиками: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость к всевозможным воздействиям, неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость и незрелость, склонность неадекватно реагировать на препятствия, неумение найти продуктивный выход из психотравмирующей ситуации. Однако, нетрудно заметить, что эти черты свойственны не только алкоголикам и наркоманам, но и плохо социально адаптированным людям. Кроме того, такие личностные характеристики часто проявляются в подростковом возрасте, особенно, если этот период развития протекает с осложнениями. Кроме того, все попытки выделить так называемый «наркоманический тип личности» оказались мало результативными (Пятницкая, 1994). Ясно одно – даже при самой ярко выраженной наркотической зависимости не может вся личность в целом, то есть все ее структуры быть мотивированными к приему наркотиков.

Среди признаков психологической зависимости от психоактивных веществ называют:

- формирование представления об интоксикации как единственно возможном комфортном состоянии, обеспечивающем максимально возможную психологическую работоспособность;
- ощущение себя наркозависимыми как управляемыми со стороны (Шабалина, 2004);
- формирование обсессивного влечения к этому комфортному состоянию (Пятницкая, 1994);
- бострение борьбы мотивов в отношении оценки своего состояния и самочувствия;
- доминирование отношения к наркотическому веществу как сверхценности, отказ в его пользу от других альтернатив, наслаждений, интересов (там же).

Одним из центральных новообразований в психике наркозависимого становится болезненное (обсессивное) влечение к наркотику. Оно может проявляться явно: это мысли о наркотике (часто полностью детерминирующие сознание больного); сны о наркотиках (обычно имеющие для больного большое значение, иногда воспринимаемые как «вещие» или предрекающие неизбежность рецидива; часто они активно обсуждаются им с окружающими); это действия, направленные на получение и употребление наркотика (причем связь таких действий с зависимостью от наркотика, очевидная для окружающих, часто не осознается или не признается больным, который предъявляет ложные, надуманные или практически нелепые, бессмысленные мотивы своего поведения); это повышенный интерес к специальной и художественной литературе или к передачам в СМИ о наркотиках и наркопотреблении; это направленное на приобретение или употребление наркотика формирование и структурирование социальных связей. Влечение к ПАВ может проявляться также косвенно, завуалировано: это повышенный интерес, тяготение ко всему, что так или иначе связано, ассоциировано с опытом приема ПАВ: местам, где они употреблялись или приобретались; вещам, субъективно связанным с ситуациями потребления ПАВ, к людям, имеющим какое-то отношение к этому опыту и т.п.; это особые внутренние ощущения, ассоциированные с наркопотреблением и т.д. (Пятницкая, 2004).

Изменения в когнитивной сфере наркозависимых проявляются, прежде всего, в навязчивых мыслях о наркотике. Как показывают исследования, интеллектуальные способности у наркозависимых остаются относительно сохранными. Однако значительно снижается способность к волевому усилию в процессе решения интеллектуальных задач (Шабанов, 1998).

В исследованиях Н.С. Курека (2001) было показано, что у больных наркоманией наблюдается значительное снижение способности к эмоциональному переживанию во всех эмоциональных ситуациях. При этом максимально эмоционально и глубоко наркозависимые переживают состояние воображаемой интоксикации. Состояние наркотического опьянения в его субъективном представлении сопровождается значительно большей напряженностью аффекта, чем состояния радости и удивления. Полученный результат дает основание предполагать, что даже положительные эмоции радости и удивления у больных наркоманией не дают чувства удовлетворения. Вся гамма эмоций переживается только в состоянии опьянения, что делает это состояние для больных чрезвычайно значимым.

Ведущее место в описании состояния интоксикации занимает переживание интереса (Курек, 2001). По данным теории фундаментальных эмоций, интерес является доминирующим мотивационным состоянием в повседневной деятельности человека (Изард, 1980). При этом способность к переживанию интереса в повседневной жизни у наркозависимых снижена. Обнаруженный факт, делает понятным, почему интоксикация даже в ее субъективном представлении оказывает сильное мотивационное воздействие на индивида, стимулируя его поведенческую активность.

В процессе наркотизации изменяется мотивация самого потребления психоактивных веществ. Так В.В. Шабалина (2004) отмечает, что на разных стадиях развития наркотической зависимости функции психоактивных веществ в жизнедеятельности человека могут быть различны.

На стадии первых проб психоактивные вещества выполняют, прежде всего, познавательную функцию (удовлетворение любопытств-

ва, изменение восприятия, расширение сознания) и гедоническую функцию (получение удовольствия).

На стадии экспериментирования с наркотиками ведущими функциями психоактивных веществ становятся психотерапевтическая функция (релаксация при наличии стрессовых ситуаций или эмоционального напряжения); повышение уровня комфортности; снятие барьеров в поведении; компенсационная функция (замещение проблемного функционирования в сферах сексуальной жизни, общения, развлечений и др.).

На стадии психической зависимости наркотик выполняет другие функции в жизнедеятельности человека: стимулирующую функцию (повышение продуктивности деятельности); адаптационную функцию (приспособление к наркосообществу); анестетическую функцию (избегание боли). Таким образом, использование психоактивных веществ на стадии зависимости становится условием нормального функционирования личности и наркотическая зависимость увеличивает адаптивные возможности человека.

Ценностно-смысловая сфера личности также претерпевает кардинальные изменения вследствие употребления наркотических веществ, что способствует быстрому и беспрепятственному формированию зависимости.

По мнению ряда исследователей (Минков, 2000; Гарифуллин, 2002), базисом зависимости от ПАВ на клеточном и субклеточном уровнях являются стойкие патологические адаптационные изменения в специфических нейронных структурах головного мозга, вызванные повторяющимся воздействием на них различных психоактивных веществ (ПАВ). Однако для того, чтобы такие патологические изменения возникли, необходимо, чтобы воздействие каким-либо ПАВ на ЦНС достигло критической величины в определенный временной промежуток, то есть речь идет о критической экспозиции. Таким образом, по мнению Минкова, основным этиологическим фактором развития зависимости следует считать именно причину того, почему некоторые люди после периода проб какого-либо ПАВ склонны относи-

тельно чаще и в больших количествах его употреблять. Ведь если бы специфические нейронные структуры головного мозга человека не были «вынуждены» часто испытывать на себе действие ПАВ, то и никаких патологических изменений в них, а соответственно, и клинических признаков зависимости у соответствующих индивидов не возникло бы.

В исследованиях Е.Г. Минкова (2000) были выделены три основных фактора, способствующих формированию зависимости от психоактивных веществ: доступность данного вещества для индивида, наличие позитивного подкрепляющего эффекта данного вещества на психическое и физическое состояние человека и еще один фактор, которому автор уделяет особое значение.

Он обратил внимание на то, что у многих лиц, испытывающих после приема ПАВ достаточно интенсивные эмоционально-позитивные переживания, имеется нечто, сдерживающее их от интенсификации употребления данного вещества, несмотря на субъективную привлекательность его приема. Отсутствие этого «нечто» можно расценивать как важный этиологический фактор формирования зависимости от ПАВ, употребление которых доступно испытуемым. В результате проведенных автором исследований возникло предположение о том, что наличие в период начальных проб ПАВ определенного круга значительно выраженных интересов и потребностей, удовлетворение которых затрудняется при частом и интенсивном употреблении ПАВ (даже просто из-за нехватки времени на деятельность по их удовлетворению), способствует замедлению формирования аддикций или даже полной невозможности их развития, а в случае их становления – более мягкому их течению.

Наличие же у индивида стойкой особенности личности, заключающейся в относительно слабой развитости или малой выраженности определенного ряда мотивационных детерминант (потребностей, интересов, побуждений и т.п.), поведенчески проявляющейся в малой выраженности в повседневной жизни соответствующих деятельностей по реализации этих детерминант, это и есть облигатная почва

для формирования зависимостей от ПАВ. Без наличия этой «почвы» (даже при доступности какого-либо ПАВ и того факта, что результирующий эффект его употребления обладает характером положительного подкрепления) не достигается уровня критической экспозиции ПАВ на соответствующие нейронные структуры и в них не формируются патологические адаптационные изменения. Указанную особенность личности Е.Г. Минков обозначает как «латентную селективную мотивационную недостаточность» (там же). Эти данные подтверждаются и другими авторами. Так, А.Г. Софронов (1998) наблюдал стойкие ремиссии у наркоманов только в тех случаях, когда они стремились к достижению субъективно-значимых целей, которые не могли быть реализованы при условии регулярной наркотизации.

«Мотивационная недостаточность», которая представлена отсутствием интересов, неумением ставить субъективно значимые цели, непониманием смысла собственного существования, не может быть изучена вне обращения к ценностно-смысловой сфере личности, которая и является основой смыслообразования и одним из главных источников мотивации поведения человека.

Б.С. Братусь говорит о том, что наркотическая зависимость в ходе своего развития неизбежно навязывает субъекту систему специфических личностных смыслов, определяемых характерными особенностями наркотического средства (Братусь, 1988). При этом, процессы смыслообразования оказываются искаженными не только в наркоманической деятельности, но и во всех остальных видах активности, связанных с другими ценностями. То есть происходит своеобразная смысловая селекция: ценности, поддерживающие наркоманский образ жизни, принимаются, остальные ценности (в число которых входит подавляющее большинство общечеловеческих ценностей) – отвергаются. При этом они могут декларироваться как значимые, но не имеют личностного смысла, а потому не детерминируют поведение человека. Обнаруженный факт объясняет трудности вторичной профилактики наркомании. В исследованиях Р.Р. Гарифуллина (2002) показано, что ценности здоровой и наркозависимой

личностей не тождественны, то есть обладают различным смыслом для субъекта. В приведенных выше исследованиях в качестве ведущей ценности наркозависимой личности, определяющей поведение и процесс смыслообразования, называется наркотик. Однако, по нашему мнению, сам по себе наркотик не является ценностью. Ценностью для наркомана становится состояние, которое с помощью наркотического вещества достигается.

По мнению К.С. Лисецкого (2008) обладание ценностями становится для наркозависимого неразрывно связанным с состоянием наркотического опьянения, а само состояние становится одной из ведущих инструментальных ценностей, способствующей достижению остальных ценностей.

Таким образом, по мере наркотизации в ценностно-смысловой сфере и в личности в целом происходят кардинальные изменения, без учета которых невозможна работа по профилактике наркозависимости.

2.2. Особенности нарркокультуры и языка наркозависимых

Особенности социальной среды находят свое отражение в ценностно-смысловой сфере отдельной личности. Формирование ценности состояния наркотического опьянения происходит также не изолированно от общества. Наркоманская субкультура (нарркокультура) представляет собой социальную среду, в которой происходит принятие усвоение определенных ценностей. Она обладает некоторыми особенностями, делающими ее при определенных условиях более привлекательной для человека, нежели традиционная культура.

Усвоение ценностей наркоманской субкультуры происходит посредством нескольких механизмов (Серебрякова, 2007).

Одним из условий, способствующих формированию специфических ценностей наркоманской субкультуры, является использование сленга, который выполняет в нарркообществе определенные функции.

Опыт длительной нарктоизации определенно создает у наркозависимых большое количество ощущений и эмоций, не имеющих знако-

вого представления в языке или представленных в нем недостаточно. Это обстоятельство заставляет их прибегать к созданию неологизмов, употреблению общеязыковых знаков в новом значении (там же).

Под влиянием изменений в ощущениях (вызванных употреблением наркотиков) изменяется и знаково-смысловая сфера больных наркоманией (как понятийный, так и личностно-смысловой ее аспекты). Обращает на себя внимание тот факт, что состояния наркотического опьянения описываются больными гораздо подробнее, красочнее, с большим количеством сравнений и признаков, чем описание других значимых переживаний (Гульдман, Романова, Сиденко, 1993).

Кроме того, наркоманская группа создает свой «язык», исходя из стремления выделиться, обособиться, придать своей речи магическое, сакральное значение (в том числе – в рамках особых ритуальных действий, групповых процедур) или сделать ее «закрытой», непонятной для «непосвященных» обывателей или представителей официальных, прежде всего правоохранительных структур. Данная особенность сленгового общения наполняет все виды деятельности, связанные с потреблением наркотических веществ, дополнительной ценностью для потребителя и изолирует его от общества, препятствуя усвоению общественно значимых ценностей (Елшанский, 2000).

Индивидуально-личностная форма общения, самовыражения, поведения трансформируется в рамках наркоманической общности в микросоциальную (коллективно-групповую) форму. Я-высказывания практически исключаются из речи наркозависимых, при этом «Мы» тоже не существует, что создает иллюзию анонимности и исключает принятие ответственности за собственные поступки (Березин, Лисецкий, Назаров, 2001).

В то же время этот сленг исполняет другую важную социально-психологическую роль – знака принадлежности говорящего к «своим», то есть к тем, для которых наркотик составляет значимую личностную и коммуникативную ценность, существенно мотивирует поведение, определяет многие его формы. Сленговые термины являются знаками, символами наркоманической общности, особой эмоцио-

нально-духовной близости, основанной на «доступном лишь избранным» «понимании» аддиктивных ощущений («полное понимание» может прийти не сразу, поэтому «правильному, грамотному пониманию» обучают более опытные наркоманы) (Елшанский, 2000).

Преобладание в речи сленга говорит о социальном выборе, самоопределении индивида, его аутоидентификации в рамках наркоманического сообщества (там же).

Таким образом, наркоманский сленг играет не только защитную функцию, но и оформляет в речевую форму новую систему смыслов, порожденную новым ценностно-смысловым образованием – стремлением к состоянию наркотического опьянения.

Проведенное нами исследование специфики языка наркозависимых показало, что в субкультуре зависимых формируется свой особый язык, описывающий реальность потребления психоактивных веществ. Контент-анализ высказываний испытуемых, имеющих опыт употребления наркотиков, позволил выявить особые термины, словосочетания, фразеологизмы, которые часто используются в такой среде. Мы отобрали фразы и выражения, наиболее часто встречающиеся в описаниях наркозависимыми их состояния в период наркотического опьянения. Контент-анализ проводился на основании аудиозаписи психотерапевтических сессий, проведенных с наркозависимыми. Затем, используя психосемантический метод субъективного шкалирования и статистический метод многомерного шкалирования, было получено 5-мерное пространство, в котором оказалось возможным адекватно реконструировать семантическую сеть исследуемых понятий совместно с ценностными ориентациями, наиболее актуальными для наркозависимых по результатам наших исследований. Ниже приведены только некоторые наиболее типичные высказывания наркозависимых и их ведущие ценностные ориентации.

Методы многомерного шкалирования позволяют определить, каким ценностям соответствуют высказывания, формирующиеся в субкультуре употребляющих наркотические вещества. На фрагменте пространства, представленного на рисунке 19, близость (вплоть до

почти полного совпадения) ценностных категорий и выражений из тезауруса наркоманской субкультуры позволяет точно указать, описанию каких ценностей соответствуют те или иные лексические конструкции. Так, выражение «чувство полета» соответствует, главным образом, ощущению насыщенности жизни, «чувство всемогения» соответствует «Я-идеальному», а «всепонимание» описывает состояния гармонии и свободы. Тем самым в самой субкультуре формируются особые лингвистические формы описания, совмещающие в себе описание ценности с описанием состояния наркотического опьянения. Обладая значительной долей суггестивности, создавая собственный жаргон, дискурс субкультуры потребителей психоактивных веществ становится в буквальном смысле зачаровывающим для ее членов, особенно для тех, кто находится в ней недавно. В соответствии с социологическим направлением в социальной психологии (П. Бергер, Т. Лукман; С. Московичи; Р. Харре), именно дискурс, характерный для той или иной субкультуры, определяет характерное для нее восприятие окружающего мира. Зачаровывание фразами приводит к существованию в зачарованной реальности.

В литературе неоднократно отмечалось активное стремление наркоманов вовлекать в свой круг как можно больше «новичков» (Пятницкая, 1994). По всей видимости, здесь, кроме материальной, прагматической мотивировки, имеет место и более общая, не всегда осознаваемая мотивация к экспансии, расширению «своих» рядов, созданию «сети» «соратников» и «сподвижников». Такая наркоманическая («наркофильная») сеть выступает (в терминах теории копинг-поведения) как социальная (а по сути – антисоциальная) поддерживающая псевдоадаптивная сеть, играющая роль значимого (патологического) личностно-средового копинг-ресурса (Шайдукова, Цетлин, Мельчихин, 1999). В ней больной стремится получить поведенческую и эмоциональную поддержку, понимание, эмпатию, реализует потребность в аффилиации (стремление человека быть в обществе «принимающих его» других людей). Таким образом, принадлежность к наркоманской группе, исповедование соответствующих ценностей

становится условием реализации личностных ценностей наркозависимых.

Механизмы поддержания и усиления значимости ценности состояния наркотического опьянения исследуются в работах И.Ю. Борисова (1998). Первый из них – «гедонистический риск»: актуализация потребности за счет создания угрозы ее удовлетворению. Так, в случае потребления психоактивных веществ возникающая угроза здоровью, безопасности, социальному статусу повышает у наркотизирующего чувство удовольствия от наркотиков и стремление к повторению этого состояния.

Состояние риска обостряет ощущения, придает смысл, по сути, совершенно бессмысленному занятию. Однако, на наш взгляд, более важное значение в данной ситуации приобретает ощущение избыточных возможностей в ситуации риска, способности по своему усмотрению менять свое состояние, переживание свободы, независимости от норм и правил общества и, главное, от собственного страха. Не опасность привлекает наркозависимых, а то, что в состоянии наркотического опьянения они получают возможность не бояться того, что при обычных обстоятельствах вызывает страх. Таким образом, только в состоянии наркотического опьянения человек становится адаптивным в рамках наркосообщества, в условиях наркоманского образа жизни.

Второй механизм, выделяемый Борисовым, – «гедонистический отказ» (там же): усиление потребности и чувства удовольствия от ее удовлетворения путем «мнимого отказа». Индивид обладает предметом потребности, но мысленно постоянно колеблется: какое решение принять – потреблять или не потреблять. Сначала, например, принимается решение: «Не пить, не колоться». Но потом, после мучительной борьбы с собой, принимается прямо противоположное решение. Все это лишь усиливает удовольствие и стремление к повторению состояния.

По всей видимости, периодические попытки прекратить прием психоактивных веществ, предпринимаемые наркозависимыми, не

имеют целью усиление удовольствия от приема наркотиков. Однако, состояние психического комфорта в интоксикации для наркомана означает не только уход от дискомфорта трезвости, но и восстановление психических функций (Шабанов, 1998). Наркотик, таким образом, становится необходимым условием благополучного физического и психического существования и функционирования. Кроме того, состояние опьянения оказывается не только значимым, но и легко достижимым, поэтому «соблазн возможности» становится практически непреодолимым.

Еще один механизм усиления ценности состояния наркотического опьянения – «гедонистическое заражение»: усиление переживания удовольствия за счет совместного с другими людьми удовлетворения той или иной потребности.

Так, употребление наркотиков в группе, компании приносит большее удовольствие, чем индивидуальное, так как индивид «заражается» настроением группы, а потом передает ей обратно свое усиленное удовольствие.

В процессе наркотизации в ценностно-смысловой сфере человека формируется новообразование, приобретающее статус ценности – стремление к состоянию наркотического опьянения. Формирование этой ценности проходит ряд этапов. На начальном этапе человек узнает о существовании такого состояния. При этом, не только наркоманская субкультура может служить источником этой информации. В СМИ проблема наркомании обсуждается достаточно широко и обилие подобного рода информации, призванное сформировать у респондентов отрицательное отношение к данному явлению, создает эффект «запретного плода», подогревая интерес.

В наркоманской группе усвоение ценности состояния наркотического опьянения происходит на эмоциональном уровне. При этом подкрепление употребления ПАВ происходит как на чувственно-телесном уровне (переживание чувства свободы, превосходства, неограниченных возможностей), так и на социальном уровне (переживание принятия, причастности к чему-то интересному, таинственно-

му). Потребность человека в преодолении ограничений, снятии запретов, освобождении чувств, удовлетворяемая в условиях наркокультуры универсальным способом (социальное и чувственное синхронное подкрепление), может быть осмыслена в рамках наркомании как механизм формирования психической зависимости (Петровский В.А., Березин С.В., Лисецкий К.С.).

Изучив особенности взаимодействия наркоманов друг с другом и социумом, проанализировав существующие законы и принципы существования группы наркоманов, мы определили следующие отличительные черты наркокультуры.

1. *Слитность (нерасчлененность) содержательных и операциональных значений.* В наркокультуре предложения строятся, как правило, безлично. Большинство суждений имеют чаще всего форму глаголов, а субъект высказывания (подлежащее) в предложениях либо обозначается невербально, либо не обозначается вообще.

2. *Инакоязычность. Зашифрованность.* «Язык», живущий в общепринятом языке общения. Слова, которые используются при построении фраз, текстов и даже диалогов в среде «посвященных» в наркокультуру, по существу не имеют никакого отношения к своим первоначальным значениям.

Наши исследования показали, что главная опасность существования «тайного языка» не столько в том, что его не всегда понимают родители, наставники и учителя, сколько в том, что, разговаривая на «общепринятом» языке, используя общепринятые слова, взрослые направляют мысли своих воспитанников в другое русло, не подозревая об этом. Поэтому даже обыденный язык может быть механизмом подкрепления поведения, направленного на употребление наркотиков.

3. *Прямая противоположность значений и действий.* Противоположность первоначально обнаруживается в том, что из лексикона подростка, «входящего» в наркокультуру, постепенно «вымываются» высказывания личностного характера, высказывания от первого лица единственного числа, то, что принято называть «Я» и заменяются на

высказывания от третьего лица множественного числа, то, что принято называть «Мы». Однако, формирование сплывающего, на первый взгляд, образа «Мы», на самом деле не соответствует и даже противоречит действительным отношениям, складывающимся между подростками, начавшими употреблять наркотики. Есть основания говорить, что реальная формула выглядит следующим образом: чем глубже переживаемое «Мы», тем больше недоверия друг другу в межличностных отношениях подростков, употребляющих наркотики. По мере формирования психической зависимости и углубления болезни происходит дальнейшая замена аутентичного «Я» выхолощенным от отношений доверия «Мы». Этот процесс результируется в конечном счете в феномене обезличивания (Генайло, 1990).

4. *Квазирелигиозные и квазифилософские утверждения.* В высказываниях подростков, употребляющих наркотики, часто присутствуют ригидные когнитивные конструкции, наполняемые лишенными смысла (вне контекста) религиозно-философскими утверждениями. Утверждения, взятые из различных литературных источников, выполняют скорее агитационно-идеологическую роль и предназначены преимущественно для тех, кто испытывает интеллектуальные сомнения в предлагаемых действиях, связанных с употреблением наркотиков. Здесь легко обнаружить и буддийский отказ от всех желаний, и христианское всепрощение как необходимое употребляющим наркотики условие для жизни в среде, построенной на тотальном обмане, и презрительное отношение к земным благам, и обещанную всеми религиями вечность, и всеобщее коммунистическое равенство.

В качестве внешних атрибутов рекламно-побудительного характера наркокультуры (для начинающих) выступает мифологическая эклектика двух самостоятельных субкультурных образований. Первое можно назвать элитарной (богемной) субкультурой, носителями которой являются артисты, художники, звезды эстрады, люди искусства и люди около искусства, а также богатые меценаты и спонсоры. Второе можно назвать криминальной субкультурой, носителями которой являются люди, живущие «по понятиям», воры, бандиты, криминаль-

ные авторитеты, мошенники, бывшие осужденные, преступные группировки. Как в элитарной, так и в криминальной субкультуре допустимо употребление наркотиков, однако, оно (употребление) не является самоценным и стержневым, как в наркокультуре. Более того, каждая из двух названных субкультур имеет четко выраженную направленность и отнюдь не аморфную систему ценностей. Наличие правил и ценностей обуславливает существование санкций за их нарушение или попрание. Таким образом, существуют механизмы (экономического, морального, психологического характера), сдерживающие неумеренное употребление наркотических веществ, как в элитарной, так и в криминальной субкультуре.

В названных субкультурах складывается иерархия, обуславливающая соподчиненность всех ее членов, а значит и конкуренцию между ними. В наркоманской субкультуре лидеры могут возникать лишь ситуативно, только для получения дозы, поскольку иерархии как таковой не существует, то соответственно и устойчивой структуры в наркоманской группе не складывается (С.В. Березин, К.С. Лищский).

Обобщая результаты исследований, можно говорить об особых отличиях наркокультуры от других субкультур: отсутствие иерархии, недиалогичность наркокультуры, единомыслие ее членов, отсутствие доверия во взаимоотношениях, демонстративное псевдоэлитарное поведение в сочетании с универсальной преступной направленностью. Высокая степень подражательности говорит о маргинальности наркокультуры, в которой остается одна единственная ценность и правило - наркотик.

Становление ценностных образований предполагает также рациональное оценивание, связанное с осознанием побуждений, мотивов, поступков, что и составляет когнитивную основу ценностных образований. Наркокультура реализуется в постоянном преодолении моральных и правовых ограничений посредством низложения всех традиционных человеческих ценностей. Для тех, кто испытывает интеллектуальные сомнения в предлагаемых действиях, связанных с

употреблением наркотиков в наркокультуре существует система утверждений, на первый взгляд неразрывно связанная с общечеловеческими ценностями. Здесь легко обнаружить и буддийский отказ от всех желаний, и христианское всепрощение как необходимое употребляющим наркотики условие для жизни в среде, построенной на тотальном обмане, и презрительное отношение к земным благам, и обещанную всеми религиями вечность, и всеобщее коммунистическое равенство. Ценности жизни, закрепленные традиционной моралью, приобретают в наркосообществе совершенно другой смысл, в результате чего оказываются низвергнутыми, формируется «наркоманская» система ценностей. На этой внутренней основе формируется наркоманский способ жизни, который и составляет поведенческий элемент рассматриваемого ценностно-смыслового образования (Серебрякова, 2007).

Для окончательного формирования ценностного новообразования необходимо включение субъекта в деятельность, направленную на реализацию этой ценности. Формирование ценности есть результат субъектной активности человека. То есть источником ценностей является субъект во взаимодействии с миром. Употребление психоактивных веществ может рассматриваться аддиктом как преодоление всех возможных ограничений, как выход за пределы не только требований и норм общества, но и границ собственного сознания. При этом, в отличие от субъектной активности, в наркоманском поведении нет принятия ответственности за исход собственных действий.

Таким образом, стремление к состоянию наркотического опьянения становится мотивом поведения наркозависимого, а само состояние – ценностью.

Состояние наркотического опьянения может рассматриваться в качестве ценностного образования в силу ряда причин:

1. Стремление к состоянию наркотического опьянения выступает источником устойчивых смыслов и изменяет картину реальности. Такое изменение мироощущения не предполагает иллюзорности восприятия. В процессе наркотизации события жизни начинают воспри-

ниматься наркозависимым через призму «полезности», а явления или мнения, не соответствующие наркоманскому образу жизни, ставящие под угрозу реализацию данной ценности, игнорируются. Таким образом, жизнь наркомана подчиняется единственной цели, имеющей для него смысл, и в достижении этой цели он оказывается максимально продуктивным.

2. Стремление к состоянию наркотического опьянения обеспечивает устойчивость поведения и определяет поступки. Поведение наркомана представляет собой набор стереотипных актов, подчиненных одной единственной цели – вернуться в состояние опьянения, которое выступает единственно желаемым. При этом в процессе наркотизации происходит изменения во всех сферах жизнедеятельности человека: меняется круг общения, продуктивность профессиональной деятельности.

3. Стремление к состоянию наркотического опьянения стабильно, не зависит от ситуативных факторов. Наркомания представляет собой самовоспроизводящуюся активность. Потребность в наркотике становится принципиально ненасыщаемой.

4. Стремление к состоянию наркотического опьянения проявляется в социальных отношениях, деятельности, общении – формируется наркоманский стиль поведения, образуются новые социальные связи, направленные на потребление ПАВ, остальные социальные связи и интересы постепенно разрушаются.

5. Стремление к состоянию наркотического опьянения выполняет важнейшую функцию ценностных образований – разрешение конфликтов и противоречий в мотивационной сфере личности. Становясь ведущей ценностью, состояние наркотического опьянения снимает все мотивационные противоречия. Человеку не нужно принимать никаких решений, за него решения принимает наркотик, выступающий в качестве субъекта его активности. Наркоман всегда знает, что ему нужно делать. Это освобождает его от поиска задач, целей, смысла происходящего и собственных поступков (Лисецкий, Литягина, 2003, 2006). При этом на определенном этапе, знаменующем переход со ста-

дии потребления наркотиков на стадию зависимости, состояние наркотического опьянения становится не просто ведущей ценностью в иерархии, оно начинает определять смысловую нагруженность других ценностных образований. В семантическом пространстве наркозависимых ценности здоровья, счастья, благополучия, успеха оказываются неразрывно связанными с состоянием наркотического опьянения. Данное положение подтверждается существованием выделяемого в наркологии симптома в структуре синдрома психической зависимости, а именно симптома способности достижения состояния психического комфорта только в интоксикации (Пятницкая, 1994). В ценностно-смысловой сфере при этом наблюдается редукция некогда развернутой системы смыслов. Это объясняется тем, что в состоянии наркотического опьянения одновременно оказываются представлены и реализуемы ведущие ценности личности, что снимает остроту конфликта ценностей и дает ощущение избыточных возможностей. В периоды трезвости при этом конфликт ценностей обостряется и переживается крайне тяжело. Однако, наркоману известен способ быстрого достижения психического и физического комфорта. Состояние наркотического опьянения оказывается не только значимым, но и легко достижимым, что определяет его ведущее место в иерархии ценностей. Самоподкрепление на чувственно-телесном уровне любой деятельности, связанной с употреблением наркотиков, постепенно приводит к тому, что состояние наркотического опьянения становится доминирующей ценностью в иерархической структуре ценностно-смысловых образований, подчиняя себе все ранее значимые смысловые универсалии и определяя ведущую направленность личности и ее поведение. При этом система ценностей личности становится менее дифференцированной, более однородной, примитивной.

Наркотик не является ценностью сам по себе. Психоактивное вещество способно менять состояние человека. При помощи психоактивного вещества у человека появляется суррогатная возможность преднамеренно изменять психическое и физическое состояние, регулировать самочувствие (чего в иных условиях сделать практически

невозможно) (Лискцкий, Литягина, 2006). Ценностью становится само состояние, в том случае, если оно дает человеку переживание избыточности возможностей. К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина рассматривают психическую зависимость как стремление индивида к воспроизводству состояния целостности, всемогущества и воли, не имеющее причин в себе (там же; с. 114). Так наркотик дает ощущение внутренней свободы, расширения возможностей, при этом избавляя от противоборства мотивов, то есть, от ответственности. Тогда наркотик, как объект внешней среды, становится предметом потребности, а состояние, полученное с его помощью – ценностью.

Таким образом, формирование зависимости происходит по механизму «сдвига мотива на цель», что в данном случае, по мнению Б.С. Братуся, ведет не к расширению мотивационных устремлений, а к их сужению, замыканию на отдельных элементах некогда развернутой и сложной деятельности (Братусь, 1988). При этом в нормальном, продуктивном развитии «сдвига мотива на цель» ведут к расширению деятельности, развертыванию ее во все новых сферах. Для здорового человека цели и мотивы его деятельности лежат по преимуществу в области изменений объективного мира. Однако наркопотребители сосредоточивают внимание на субъективных эмоциональных переживаниях, сопровождающих предметную деятельность и ее результаты. Достигают желательных эмоциональных переживаний с помощью наркотиков, то есть посредством не реальной, а иллюзорно-компенсаторной деятельности (Психологические особенности..., 1998). Ведущие мотивы поведения постепенно утрачивают свои функции. В то время как наркотик в качестве мотива расширяющейся наркоманической деятельности подчиняет себе социальные мотивы и становится ведущим. Так разрушается прежняя ценностно-смысловая иерархия и формируется новая, в которой ведущие ценности (здоровье, свобода, семья, и др.) из «реально действующих» становятся «только знаемыми».

2.3. Наркотическая личность

Активный поиск наркотиков и их систематическое употребление культивируют «сдвиг» нейрофизиологического равновесия (дифференциальных порогов ощущений) в организме потребителя, преобразуют чувственную картину тела, способствует дереализации личности.

Нарушение физиологической и феноменологической корреляции в содержании эмоций влечет за собой рассогласование экстероцептивной чувствительности и появление отчуждающих переживаний, несоответствующих сложившейся динамике жизни.

В личности потребителя наркотиков возникает и развивается новообразование – «наркотическая личность». По мере усиления наркотической зависимости, это новообразование начинает «отпочковываться» от базисной мотивационно-смысловой структуры прежней личности. Базисная личность вместе с имевшими место критериями ориентации в себе и в мире оказывается все более «заслоненной» новым источником активности. Любая форма деятельности, осуществляемая в состоянии наркотического опьянения (следовательно, совместимая с ним), оказывается положительно подкрепленной, в результате чего к ней вырабатывается положительное отношение. Любая деятельность, несовместимая с наркотиками, оказывается отрицательно подкрепленной и к ней формируется иное отношение.

Этот механизм положительного чувственно-телесного самовознаграждения лежит в основе преобразования сферы личностно значимого у индивида, потребляющего наркотики. Если определенное состояние каким-нибудь образом становится хроническим, то вследствие этого и возникает «тип», то есть привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует над всеми остальными (К.Юнг, 1998). Новые более «эффективные» навыки, вырабатываемые в состоянии наркотического опьянения, хорошо воспроизводятся при повторении этого состояния. Эффект легко подтверждается и у здоровых людей под действием фармакологических препаратов, под действием плацебо или суггестивного воздействия (Данилин, 2003). Складывается-

ся некое подобие «кольца самоподкрепления»: хорошее настроение повышает эффективность выполнения действий и формирования навыков, реализация которых улучшает настроение. Многие респонденты (потребители наркотиков) говорили даже о нарушении чувств единства и целостности «Я», о формировании внутренней установки на саморазрушение своего «Я» неэффективного без наркотиков.

Факт социального запрета на употребление наркотических веществ исключает формирование поведенческих стереотипов и автоматизмов у наркозависимых в процессе их поисковой активности. К тому же сама по себе среда, связанная с незаконным оборотом наркотиков, является очень опасной, агрессивной, жесткой. В ней нет места сочувствию, взаимопониманию. За ошибки приходится платить очень дорого. Такие условия вынуждают постоянно проявлять хитрость, находчивость, «творчество» в процессе поиска наркотических веществ или средств на их приобретение. Сравнивая «личную эффективность» в состоянии наркотического опьянения и без него, потребитель подкрепляет свое сознательное стремление к пребыванию в этом состоянии.

Это обстоятельство ставит под сомнение однозначность общеизвестного тезиса о «бегстве наркоманов от реальности». Жизнь по принципу наркотического удовольствия оказывается возможна только при максимальном соблюдении принципа реальности. Постоянная настороженность и «зашифрованность» потребителя наркотиков ведут к развитию у него тотального недоверия, моральной индифферентности и личностной замкнутости.

Переживание избыточных возможностей, а затем соблазн их повторных переживаний обуславливает появление праформ зависимости. По мере употребления наркотиков у индивида начинает формироваться новый жизненный цикл и новая «Я-концепция». Этот цикл состоит из двух фаз. Первую, инъекционную, сопровождает улучшение настроения и самочувствия. Вторую, абстинентную, сопровождает ухудшение самочувствия и настроения. Двухфазный цикл образует «объективную» для наркомана единицу измерения всех жизненных процессов и смысловую ось его мотивации.

Повторяющиеся колебания телесного самочувствия изменяют размерность физического времени и ранее сложившуюся последовательность ежедневных событий. Зависимость создает мир непрерывности иного рода. Однако «новое время и новое пространство» тщательно маскируются и долго остаются незаметными для окружающих. «Новое пространство» представляет собой конфигурацию ложных границ тела иной чувствительности. Телесные границы расширяются после употребления наркотического вещества за счет увеличение порога болевой чувствительности. Параллельно с изменением пространственно-временных ощущений нам удалось выявить парадоксальные изменения в мотивационной сфере наркозависимостью человека.

Для наркомана побудителями активности являются не цели, планы, ценностные ориентации, а колебания его настроения и самочувствия. Ухудшение самочувствия повышает его активность, а улучшение самочувствия способствует возникновению состояния покоя и даже обездвиженности.

У человека, не употребляющего наркотические вещества, как правило, все наоборот. Ухудшение настроения и самочувствия приводит к снижению его активности. Тогда как хорошее настроение повышает его жизненный тонус, подвижность и продуктивность деятельности.

Этот парадокс необходимо понимать и учитывать специалистами по реабилитации наркозависимых. Мотивационная сфера человека, употреблявшего наркотики восстанавливается очень медленно, поскольку утратила свои нормальные функции. «Зачем что-то делать, если я хорошо себя чувствую?». Более того, србатывает пропорция: чем лучше я себя чувствую, тем меньше мне хочется что-либо делать.

Изменение смысловой сферы личности наркозависимого проявляется в его буквальном «выпадении» из целостного контекста жизни в ситуационный контекст однозначно направленной активности.

Макроинтервалы времени как элементы его жизненной перспективы дробятся на однородные микроинтервалы, разрушая прежнюю

организационную основу его жизнедеятельности. Поскольку для потребителя наркотиков все, что с ним происходит, и все, что происходит внутри него, существует реально, физически достоверно, у него вырабатываются подкрепленные организмически правила существования себя. В личности потребителя наркотиков возникает и постепенно укореняется новая структура согласования когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. Наркоман всегда знает, что ему нужно делать. Это освобождает его от поиска задач, целей, смысла происходящего и в конечном счете смысла своей жизни. Для него задача на смысл теперь решена раз и навсегда.

Наркоман без труда находит определенность в любой неопределенности. Являясь орудием своей зависимости, он «сливается» со всеми своими действиями.

Естественно, что организм человека всячески сопротивляется употреблению наркотических веществ. Это видно по таким проявлениям как толерантность и абстиненция. Однако, по мере употребления, в первую очередь «на сторону врага» переходит эмоциональная сфера. В результате развивается ангедония – невозможность получать удовольствие от того, что раньше его доставляло. Происходит притупление чувств и угасание интересов. Тогда как наркотическое опьянение, по мнению большинства опрошенных, позволяет им постоянно воспроизводить универсальное, неисчерпаемое и всегда привлекательное состояние.

Влечение к наркотическому опьянению усиливается по мере развития его патологических последствий. Несмотря на то, что со временем физические и психические возможности наркозависимого заметно снижаются, контраст переживаний между «могу» при наличии наркотиков и «не могу» при их отсутствии все равно продолжает увеличиваться. Это маскирует действительное состояние организма (степень заболевания) от самого наркозависимого. Нарушенное чувство «Я» окончательно разотождествляет индивида с социальной, моральной и личностной ответственностью. Низкая ответственность не позволяет ему достигать успеха в различных областях жизни, кроме сферы употребления наркотиков.

ГЛАВА 3. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА И ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НАРКОТИЗАЦИИ

3.1. Роль субъектной активности в становлении ценностно-смысловой сферы личности

Ценностно-смысловая сфера личности является важнейшим компонентом структуры личности. Усваиваясь индивидуальным сознанием, ценности и смыслы представляют из себя не только универсальные категории, но и детерминанты, лежащие в основе выбора жизненного пути, определяющие особенности саморегуляции поведения человека.

Большинство исследований, посвященных изучению влияния системы ценностей на формирование аддиктивного поведения, прежде всего, направлены на изучение особенностей ценностно-смысловой сферы подростков как фактора наркотизации. Предполагается, что такие особенности системы ценностных ориентаций как ее несформированность, конфликтность, противоречивость являются отличительными особенностями подросткового возраста и делают личность предрасположенной к наркотической контаминации (Б.С. Братусь). Преобладание дефицитарных ценностей (А. Маслоу), потеря смысла жизни (В. Франкл), подчинение социальным ценностям (К. Роджерс), несформированность некоторых общественно значимых ценностей (Я. Гудечек), таких как ценность нравственного здоровья (И.А. Килина), разрушение культурных традиционных норм и ценностей (А.В. Сухарев) представляются в качестве личностных предпосылок наркотизации. При этом ряд авторов (Р. Крэйг, К.С. Лисецкий) отмечают, что наиболее значимые изменения личности происходят в процессе наркотизации, а не предшествуют ему.

Формирование ценностно-смысловой сферы может быть рассмотрено только в общем контексте развития личности. По словам А.Г. Асмолова, «в схеме системной детерминации развития личности

выделяют три следующих момента: индивидуальные свойства человека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений» (Асмолов, 1990; с. 170). Поскольку ценностно-смысловая сфера личности по своему происхождению носит двойственный характер, определяясь как особенностями самого индивида, так и характером его социальной среды, все факторы, оказывающие влияние на ее развитие, логично разделить на внутренние и внешние (Яницкий, 2000).

Первая группа факторов – внешние – социально-исторические.

Ценности социального окружения, являющиеся источником ценностных ориентаций личности, выступают в качестве внешнего фактора развития индивидуальной системы ценностей. Поэтому индивидуальные ценности должны рассматриваться только в контексте ценностных предпочтений социокультурного окружения. Формирование ценностно-смысловой сферы личности происходит не изолировано от социального окружения и во многом зависит от особенностей социальных групп, в которые оказывается включенным человек на протяжении всей жизни. Интериоризация ценностных представлений происходит в рамках социальных институтов (семья, школа, трудовой коллектив и т.д.), играющих различную роль в формировании и развитии личности на разных возрастных этапах. Однако, формирование личности находится также под ненаправленным влиянием стихийно образующихся социальных групп, в которых также складывается собственное мировоззрение, своя система ценностей и способы ее трансляции. Необходимо отметить, что в ряде случаев развитие системы ценностных представлений может быть обусловлено влиянием анти-социальной среды. Как справедливо пишет Б.С. Братусь, в этой ситуации речь идет не просто об отрицании человеком социально одобряемых ценностей, а о формировании достаточно очерченной и жесткой системы ценностей «отрицательных» (Братусь, 1988; с. 92-93).

Социально-исторические условия, на фоне которых развивается личность, представляют собой один из факторов макросоциальной

среды, оказывающий значительное влияние на изменения в ценностно-смысловой сфере личности. Социально-экономические, политические, идеологические изменения в обществе влекут за собой изменения системы ценностей общества, социальных групп, отдельной личности. Изменчивость субъективных ценностей и смысловых предпочтений связана с объективностью реального процесса жизни индивида и общества, в котором система ценностей проявляется, и который является их отражением.

Главная характеристика современного мира, по мнению Д.А. Леонтьева, заключается в том, что это мир, находящийся в нестабильном, переходном состоянии. Этот мир непредсказуем гораздо в большей степени, чем это было раньше (Леонтьев, 1995). Мобильность современного человека, огромный объем получаемой им противоречивой информации, более широкие социальные связи, в которые он оказывается включенным, приводят к необходимости сопряжения различных точек зрения относительно одних и тех же явлений мира, сопоставления различных жизненных ценностей, транслируемых разными социальными группами. Такое сопоставление порой оказывается весьма затруднительным, так как в современном мире нет единого образа критериев выбора из предлагаемых миром вариантов.

Этнические, религиозные, семейные ценности в условиях современной действительности все труднее сохранять в неприкосновенности, делать так, чтобы собственные убеждения и взгляды на мир не вступали в противоречие со взглядами на мир, требованиями, ожиданиями, ценностями и нуждами других. Все это порождает ту самую нестабильность, которую мы наблюдаем сейчас. Каждый человек оказывается в состоянии идентифицировать себя в терминах социальной принадлежности с множеством разных социальных общностей, ценности и нормы которых оказываются отнюдь не идентичными, а порой полностью противоречат друг другу. Результат такой множественной социальной идентичности – это невозможность четко себя определить как представителя какой-либо социальной группы, и, как следствие, невозможность раз и навсегда определиться с собственными ценностными представлениями.

Такая ситуация ведет к возникновению расщепленной идентичности (Леонтьев, 1997; Сухарев, 1996), которая в рамках ценностно-смысловой сферы личности может рассматриваться как ценностный конфликт, который переживается человеком как потеря смысла жизни, невозможность определиться в собственных предпочтениях. Все это приводит к ситуации, когда декларируемые человеком ценности перестают обладать для него личностным смыслом и служить реальными мотиваторами его поведения, критериями при совершении личностного выбора. Кроме того, у молодого человека возникает соблазн принятия наиболее простой и непротиворечивой из всех предлагаемых системы представлений о мире. Именно такими характеристиками часто обладают системы представлений, предлагаемые различными асоциальными группами (тоталитарные культы, преступные группировки, националистические организации, наркоманское сообщество).

Таким образом, пассивное усвоение ценностей социокультурного окружения парадоксальным образом делает человека незащищенным и внутренне неустойчивым в противоречивых и постоянно меняющихся условиях современной действительности.

Вторая группа факторов, влияющих как на развитие личности в целом, так и на изменения в ценностно-смысловой сфере в частности – **внутренние**, которые включают:

1) Индивидуальные, соматопсихические свойства личности: возраст, пол, свойства темперамента, задатки, способности.

Наиболее значимым для развития ценностно-смысловой сферы личности многие исследователи (Ж. Пиаже, Л. Колберг, А. Маслоу) признают уровень развития базовых способностей, который определяет возможность той или иной степени осознания моральных норм и социальных ценностей. По определению А. Маслоу, «каковы способности, таковы и ценности» (Маслоу, 1997; с. 190). Аналогичные положения содержатся также в концепциях Ж. Пиаже и Л. Колберга. Однако определенный уровень интеллектуального развития является необходимым, но не достаточным условием принятия высших моральных ценностей. Уровень интеллектуальных способностей в ра-

ботах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева выступает условием формирования различных (в том числе и этических) понятий, категорий, значений, личностных смыслов – «категориальной сетки значений», являющейся средством совершения акта оценки (Яницкий, 2000) .

2) Личностные, субъективные свойства: черты характера, волевые качества личности, уровень эмоционального развития, потребности, мотивы, особенности самосознания, в том числе, самоотношения личности.

Особое место в этом ряду принадлежит волевым качествам личности (Немов, 1990). Процесс принятия ценностей и включения их в личную систему предполагает наличие волевого акта. Уровень развития волевых качеств определяет силу внутреннего источника активности субъекта, направленной на те или иные цели, в том числе на оценку окружающей действительности и на выработку собственной, автономной системы ценностей.

По мнению ряда авторов, среди многообразия личностных черт необходимо выделять специфические субъектные качества личности, в которых проявляется степень и своеобразие субъектной активности (Моросанова, Плахотникова, 2004). В качестве таковых выделяют ответственность, настойчивость, гибкость, надежность, самостоятельность и др. Именно они определяют способность человека преодолевать жизненные трудности на пути к достижению поставленных целей и реализации собственных ценностных представлений. Формирование и развитие субъектных качеств личности позволяет повышать уровень осознанной саморегуляции и, таким образом, развивать индивидуальность человека как субъекта собственной активности (Моросанова, 1998).

Самоотношение – эмоционально-ценностная сторона самосознания, компонент ценностно-смысловой сферы личности, отражающий ценность для человека собственного Я. Именно через самосознание в форме самоотношения преломляются социальные ценности, прежде чем стать или не стать достоянием ценностно-смысловой сферы личности.

Третий фактор, влияющий на формирование и динамику ценностно-смысловой сферы личности – это **деятельность**, в которую включен субъект. Социальные ценности ассимилируются только в деятельности, они не могут быть познаны непосредственно. Как отмечает В. П. Иванов, «лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности – действительные и воображаемые – выстраиваются в смысловой ряд, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта» (Иванов, 1999; с. 42).

Таким образом, закономерности процесса формирования ценностно-смысловой сферы личности определяются действием различных внутренних и внешних факторов: уровнем развития когнитивной и эмоционально-волевой сферы, уровнем развития субъектности, особенностями социальной среды, характером и формой психологического воздействия. Данные факторы составляют тот фон, на котором реализуется та или иная деятельность.

Формирование ценностно-смысловой сферы личности сложный процесс. М.С. Яницкий описывает три основных процесса формирования и развития ценностных ориентаций: адаптация, социализация, индивидуализация (Яницкий, 2000).

Адаптация – процесс приспособления организма к условиям окружающей действительности с целью наиболее полного удовлетворения существующих потребностей. Рассматривая процесс адаптации с такой точки зрения, исследователи приходят к выводу, что личностные ценности являются отражением стремления человека к поддержанию гомеостаза. Такое представление о сущности ценностных образований личности связано, прежде всего, с психоаналитической традицией с ее принципом «редукции напряжения» и, в частности, с работами К. Хорни, по мнению которой основной мотивацией поступков человека является «коренная тревога» (Хорни, 1993).

Данная позиция неоднократно подвергалась научной критике, прежде всего, представителями гуманистической психологии (А. Маслоу, В. Франкл) как не способная в полной мере объяснить причины поступков человека.

Психологическая адаптация, реализующаяся в процессе жизнедеятельности каждого человека, является базовым, фоновым процессом, определяющим условия социального взаимодействия личности и ее развития. В работах С.Д. Артемова и И.А. Милославовой социальная адаптация понимается как процесс усвоения личностью групповых норм и ценностей (Артемов, 1970; Милославова, 1979).

Однако, по всей видимости, процесс формирования и развития ценностно-смысловой сферы личности оказывается более сложным, чем простое усвоение ценностей и норм сообщества, в котором оказывается человек.

Она формируется и развивается в процессе **социализации** в результате сопоставления собственных потребностей, мотивов, интересов, убеждений человека с общественными требованиями, нормами, идеалами. Вслед за И.С. Коном, мы будем понимать **социализацию** как процесс усвоения индивидом социального опыта, определенной системы знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества (Кон, 1979).

По мнению большинства авторов (Алексеева, 1984; Петровский, 1979), содержание ценностно-смысловой сферы, определяет центральную позицию личности, оказывает влияние на направленность и содержание социальной активности, общий подход к окружающему миру и самому себе, придает смысл и направление деятельности человека, определяет его поведение и поступки.

Формирование системы ценностных представлений в рамках процесса социализации, по мнению М.С. Яницкого, реализуется посредством различных психологических механизмов: интериоризации, идентификации, интернализации общественно значимых ценностей и идеалов (Яницкий, 2000).

Согласно А.Н. Леонтьеву, все психическое развитие человека социально детерминировано процессом усвоения индивидом общественного опыта, накопленного человечеством, знаний и способов деятельности (Леонтьев, 1975). Таким образом, интериоризация – есть преобразование структуры предметной деятельности в структуру

внутреннего плана сознания. И.Ф. Клименко считает, что интериоризация общественно значимых ценностей проходит через усвоение социальных нормативов, как в вербальном, так и в поведенческом плане (Клименко, 1992). При этом, только эмоционально принятые явления и активное, деятельное отношение к ним индивида создают условия для интериоризации ценностей. То есть процесс познания ценности, ее принятие и включение в личную систему ценностей предполагает наличие не только узнавания и осознания ценности, но и эмоциональной ее оценки и волевого акта, обеспечивающего соответствующее поведение.

Усвоение социальных ценностей происходит также в процессе идентификации. Под идентификацией А.В. Серый, М.С. Яницкий понимают процесс отождествления субъектом себя с другим индивидом или группой на основании установившейся эмоциональной связи, и включение в свой внутренний мир и принятие как собственных норм и ценностей окружающих (Серый, Яницкий, 1999).

По мнению В.А. Петровского, идентификация образует одну из форм отраженной субъектности, «... когда в качестве субъекта мы воспроизводим в себе именно другого человека (а не свои побуждения), его, а не свои цели и т.п.» (Петровский, 1996). Данный механизм является ведущим при усвоении групповых ценностей и норм. В.В. Абраменкова отмечает, что при вхождении личности в группу на фазе адаптации, благодаря идентификации, происходит принятие «вкладов» от значимых других в группе и отождествление себя с ними, а через это – усвоение принятых в группе норм и ценностей (Абраменкова, 2002).

Интернализация – более сложный процесс, предполагающий сознательное и активное восприятие окружающего мира, а также активное воспроизводство принятых норм и ценностей в своей деятельности. Кроме того, интернализация предполагает принятие на себя ответственности, интерпретацию значимых событий как результат своей собственной деятельности.

Интериоризация, идентификация и интернализация являются, в свою очередь, условиями социализации личности (Яницкий, 2000).

Формирование ценностно-смысловой сферы личности на разных этапах социализации неоднозначно, ее характер и содержание меняются под воздействием многих факторов, так как социализация может происходить как в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни в обществе, имеющих иногда характер разнонаправленных факторов, так и в условиях воспитания, т.е. целенаправленного формирования личности.

Начальный период формирования личности относится к дошкольному возрасту. Однако, как замечает Е.Ф. Рыбалко, «первые три года жизни являются ее предысторией, периодом создания необходимых условий ее развития» (Рыбалко, 1974; с. 21).

Дошкольный возраст (3-7 лет), по мнению В.Г. Асеева, является периодом, в котором усваиваются первые этические нормы (Асеев, 1986). На данном этапе преимущественно посредством идентификации происходит усвоение правил, норм и нравственных критериев, которые регулируют его поведение. Этот процесс осуществляется через посредника (старшего) и через соучастника (ровесника). Ведущую роль в формировании системы ценностей ребенка на данном этапе играют семья и группа сверстников, где ребенок применяет усвоенные ранее эталоны.

Дети младшего школьного возраста включаются в новую систему отношений, происходит изменение их позиций в обществе. Ведущим видом деятельности становится учение. В процессе учения происходит формирование интеллектуальных и познавательных способностей, происходит дальнейшее усвоение моральных норм, и на этой основе закладывается фундамент нравственного поведения.

Подростковый возраст (10-11 – 13-14 лет) представляет собой этап усиленного становления личности на основе дальнейшего развития процесса социализации. По классификации Л. Кольберга, начало этого периода относится к конвенциональному уровню развития личности (Цукерман, 1995), когда человек придерживается условной ро-

ли, ориентируясь при этом на принципы других людей. Центральным психологическим новообразованием подросткового возраста является возникновение чувства взрослости, которое вызывает переориентацию с детских норм и ценностей на взрослые, что усложняет комплекс личностных свойств подростка. Решающую роль в формировании ценностно-смысловой сферы личности в этом возрасте Г. Дюпон отводит эмоциям. В поисках собственной идентичности и уникальности подростки прикладывают к себе и к другим людям психологические мерки, которые систематизируются в представлениях подростков о ценностях, идеалах, о собственном жизненном стиле и социальных ролях. Эти представления еще не интернализированы, их еще предстоит проверить в условиях реальной жизни, скоординировать с ценностями семейными, групповыми, социальными. Г. Дюпон считает, что наиболее распространенными вариантами завершения этой стадии развития являются негативизм (асоциальная реакция на рассогласование личных и общественно одобряемых ценностей) или адаптация собственных взглядов на жизнь применительно к реальным условиям этой жизни (там же).

Подростковому возрасту характерно тяготение к группоцентрической ориентации, которая формируется и реализуется в рамках потребности в общении, дружбе, совместной деятельности (Братусь, 1988). Однако внутренние психологические пути развития смысловой сферы благополучного, здорового подростка и неблагополучного, зависимого подростка начинают расходиться. В первом случае происходит дифференцировка нравственных оценок, вырабатываются обобщенные идеалы, формируется и осваивается качественно новая ступень, уровень смыслового поля – уровень отношения к другим людям, миру вообще. Во втором случае этого не происходит, так как «компания» замыкает, ограничивает смысловую сферу группоцентрической ориентацией. Так, дальнейшее развитие подростка идет не к обществу, а к группе. В результате возникающие в рамках этой ориентации личностные ценности наркозависимых подростков расходятся с общечеловеческими. Постепенно группа перестает быть смысловым центром,

становится средством удовлетворения потребностей в наркотике. Происходит выпадение из собственного смыслового поля в поле сугубо ситуационное. Данный процесс Б.С. Братусь определяет как феноменологию «снижения», «уплощения» личности (там же; с. 204).

В юношеском возрасте (15-18 лет) складываются основные компоненты личности – характер, общие и специальные способности, мировоззрение. В ряде исследований отмечается, что юношеский возраст сенситивен для образования ценностно-смысловых ориентаций как устойчивого свойства личности, способствующего становлению мировоззрения, отношению к окружающей действительности (Кон, 1979). Отличительной особенностью возраста становится резкое усиление саморефлексии, то есть стремления к самопознанию своей личности, к оценке ее возможностей и способностей. По мнению В. Франкла, вопросы о смысле жизни наиболее часты и особенно насущны в юности, при этом они никак не являются болезненным симптомом (Франкл, 1990). Возникает необходимость рассмотрения и оценки возможных альтернатив, главным образом в сфере своих ценностно-смысловых ориентаций, жизненных позиций. У юношей возникает потребность не просто чисто внешне походить на взрослого, а быть признанным, выделенным из общей массы сверстников и взрослых (Асеев, 1989). Усвоение ценностей взрослых способствует достижению определенной внутренней и внешней независимости, утверждению своего Я и формированию личностных смыслов. Построение и переоценка ценностей является основным процессом морального развития в подростковом и юношеском возрасте, в результате которого появляется способность построить свою систему ценностей, отличную от родительской.

Л.И. Божович и другие отечественные психологи считают, что переходный период завершается возникновением особого личностного новообразования, которое обозначают термином «самоопределение» (Божович, 1968). Самоопределившийся человек имеет относительно устойчивую систему ценностей, знает, чего хочет и более или менее представляет, как этого добиться.

Таким образом, можно говорить о том, что к концу юношеского возраста ценностно-смысловая сфера личности может считаться сформированной и относительно устойчивой. Однако, нельзя говорить о том, что она на протяжении всей жизни человека остается неизменной. Переосмысление мировоззренческих позиций, переструктурирование системы ценностей личности может происходить на любом отрезке жизненного пути. Б.Г. Ананьев говорит о том, что с началом самостоятельной общественно-трудовой деятельности изменяется социальный статус человека (Ананьев, 1980), что с необходимостью ведет к изменениям в системе ценностей. При этом процесс формирования ценностно-смысловых образований и профессиональная деятельность взаимодетерминированы. С одной стороны, отношение к профессионально-трудовой среде формируется на основе системы личностных смыслов человека, обусловленных прошлым опытом, осознаваемая часть этой системы существует в виде ценностей и ценностных ориентаций; с другой стороны, профессиональная деятельность оказывает воздействие на систему ценностных ориентаций личности (там же).

С вхождением в период зрелости, человек начинает самостоятельно ставить для себя цели и определять приоритеты в жизни. На данном этапе развитие личности зависит в большей степени не от внешних влияний, а от способности самого человека становиться субъектом собственной жизни. Сформированная система ценностей служит внутренней системой координат, на которую человек может опираться, совершая жизненно важные выборы. Однако, развитие взрослого человека не предопределено, оно дано как возможность (Ермолаева, 2006). Достигая зрелого возраста, не каждый человек обладает свойствами зрелой личности – способностью к саморегуляции и саморегламентации. Стагнация в развитии может произойти на любом жизненном этапе.

Таким образом, процесс формирования и развития ценностно-смысловой сферы не может быть представлен вне процесса социализации личности. При этом, по мнению М.С. Яницкого, несмотря на

осознанность усвоения ценностей социальной среды, процесс социализации все-таки не подразумевает самостоятельной выработки собственных внутренних ценностей. По существу, процесс социализации ограничивается принятием либо непринятием тех или иных групповых ценностей (Яницкий, 2000).

Третий процесс формирования и изменения ценностно-смысловой сферы личности, выделенный М.С. Яницким – **индивидуализация** – на стадии зрелости, по мнению многих авторов (Асмолов, 1990; Ермолаева, 2006), становится ведущим. Под индивидуализацией понимается становления авторства собственной жизни (Яницкий, 2000). Преломляясь через самосознание, мировоззренческие идеи получают личностный смысл, связь с опытом и, тем самым, становятся личностными ценностями, реальными мотивами поведения человека. Движущей силой процесса индивидуализации, в отличие от адаптации и идентификации, является не потребность в гомеостазе, а, напротив, сопротивление равновесию, постоянное становление (Г. Оллпорт); внутренний рост или развитие (К. Роджерс); осуществление личностного смысла (В. Франкл); самоактуализация (А. Маслоу), выход за пределы заданного (В.А. Петровский), субъектная активность (В.И. Моросанова). В процессе индивидуализации происходит перевод внешних этических правил во внутреннюю систему ценностей, постепенную трансформацию внешней формы поведения во внутреннее содержание через образование личностных смыслов.

Субъектная активность признается основной детерминантой саморазвития внутреннего мира (Татенко, 1977).

Под **субъектной активностью** мы, вслед за В.А. Петровским и В.И. Моросановой, понимаем осознанную психическую активность по выдвиганию и достижению целей в условиях неопределенности, в процессе которой человек реализует себя.

В процессе реализации субъектной активности, направленной на реализацию жизненных принципов и ценностей личности происходит осознание этих ценностей, перевод их из ряда знаемых в разряд личностно значимых, обеспеченных «запасом личностного смысла» (Яницкий, 2000).

Наиболее ярко субъектность человека проявляется в процессе принятия решений в ситуации неопределенности и последующей рефлексии оснований и последствий совершенного выбора.

Выбор – акт сознательный, произвольный, ответственный, ценностный и свободный, то есть личностный акт (Асмолов, 1990).

Жизненный выбор рассматривается в качестве основного механизма личностной саморегуляции (Гребенникова, Гримак, Шаров). «Личностные уровни регуляции жизнедеятельности мобилизуются в тех случаях, когда надо переделывать не обстоятельства, не жизнь, а самое себя, личностные свои ценности и психологические установки» (Гримак, 1991, с. 205)

Преобразование и изменение ценностно-смысловых образований происходит в тех случаях, когда перед личностью возникает конфликтно-проблемная ситуация, преодоление которой невозможно с помощью ранее усвоенных шаблонов поведения. Подобная ситуация может возникать при наличии внешних или внутренних преград на пути деятельности или при постановке личностью сверхзадачи. В таких ситуациях личность проявляет себя и свою активность в творческом преобразовании самой ситуации и в саморазвитии индивидуальности. Такая форма поведения возникает только при столкновении человека с проблемой выбора в ситуации неопределенности. Это может быть выбор новой позиции или роли, осмысление мотивов собственного поведения, выбор между открывающимися в идеальном плане различными мотивами своего поведения, от которого порой зависит вся дальнейшая жизнь. Во всех этих случаях происходит ориентировка личности в сложной системе ее смыслообразующих мотивов и личностных смыслов. Именно в ситуациях свободного выбора личность особенно рельефно проявляется как субъект собственной жизни, как индивидуальность, а история развития личности становится историей отклоненных и сотворенных ею альтернатив (Леонтьев, 2000).

Неопределенность исхода, риск, субъективное ощущение принадлежности совершаемого только самому себе, оценка последствий

принятого решения в свете тех ценностей, ради которых живешь, непредсказуемость для самого себя - это неотъемлемые черты свободного личностного выбора (Асмолов, 1990).

Формирование ценностей возможно только в процессе актуальной регуляции решений субъекта о его предпочтениях. То есть, ценности не могут быть переданы в процессе социализации или научения от одного человека другому. Человек рождает свои собственные ценности только в процессе совершения выбора. М.К. Мамардашвили пишет: «...человек не субъект воспитания, а субъект развития, который обречен на то, чтобы совершать внутренние акты на свой страх и риск, чтобы в душе его вызрели эквиваленты того, что внешне, казалось бы, уже существует в виде предметов или человеческих завоеваний. То есть нельзя воспитать человека на хороших примерах и правильных книгах. Содержание этих книг и примеров может возникнуть в человеке только посредством собственных его актов» (Мамардашвили, 1995; с. 114).

Таким образом, ценностное основание выбора рождается в самом процессе выбора и не может быть отделено от него. Ситуация личностного выбора – это не только обнаружение, но и развитие ценностно-смысловой сферы личности. Смысловые образования приобретают статус ценностных только при обращении личностных усилий человека на свою смысловую сферу, на собственное Я (Будинайте, Корнилова, 1993). То есть, в процессе личностного выбора субъект не просто оценивает альтернативы и последствия своего выбора, он, при условии личностного усилия, формирует, строит собственную личность. Если же это усилие не совершается, то человек остается рабом обстоятельств или других людей, не выстраивая для себя собственную систему ориентиров.

Переход от просто знаемых, декларируемых к личностным ценностям предполагает осуществление субъектом специальной активности одновременно познавательного и личностного характера, так как в ней трудно развести отдельно когнитивные и личностные усилия по освоению человеком своего внутреннего мира (там же). Таким обра-

зом, формирование ценностей личности есть результат одновременно осмысления (рефлексия) и проживания собственных смыслов, соотнесение их близости к собственному Я в процессе личностного выбора, совершаемого субъектом. «То, что я знаю, – не мое, мое – только то, что я вырастил из себя. И это есть единственный путь в реальность» (Мамардашвили, 1995; с. 115).

Личностная рефлексия, связанная с исследованием субъектом самого себя, вырывает человека из непрерывного потока жизни и заставляет стать во внешнюю позицию по отношению к самому себе. Именно эта способность может рассматриваться как путь к переосмыслению стереотипов собственного опыта и, по словам Я.А. Пономарева, выступает одной из главных характеристик творчества и самотворчества (Пономарев, 1960). «Благодаря рефлексии сознание мечется в поисках смысла бытия, жизни, деятельности: находит, теряет, заблуждается, снова ищет, создает новый и т. д. Оно напряженно работает над причинами собственных ошибок, заблуждений, крахов. Мудрое сознание знает, что главной причиной крахов является его свобода по отношению к бытию, но отказаться от свободы значит то же, что отказаться от самого себя» (Зинченко, 1991; с.19).

Согласно Ю.М. Орлову, личностное развитие происходит в процессе осознания смысла, реализующемся в конкретном сегменте жизненного процесса. В то время как сам процесс самопознания, в виде постижения своей Я-концепции, включающей воспроизведение и осмысление того, что мы делаем, как мы делаем и почему мы делаем, как относились к другим и как они относились к нам и почему, посредством рефлексии происходит становление индивидуальности (Орлов, 1991).

В основе любого вида рефлексии лежит механизм децентрации, заключающийся в «мысленном выходе» за пределы непосредственного процесса жизни с целью занять позицию вне ее для суждения о ней. Децентрация рассматривается В.А. Петровским как проявление субъектности в когнитивной сфере (Петровский, 1996). Таким образом, происходит «разрыв» в непрерывности жизни (Мамардашвили,

1995), позволяющий человеку переосмыслить происходящее, основания своих выборов и своей жизни.

«Субъектом можно назвать того, кто способен «вступить в особые отношения» с самим собой, обратиться к самому себе» (Карпинский, 2002; с. 118). Необходимость в таком отношении возникает тогда, когда деятельность не «справляется» со своей основной функцией – реализацией смысловой необходимости личности.

В то же время, подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексивны и, следовательно, не осознаны. Согласно В. Франклу, «...рефлексия ослепляет понимающего себя субъекта: любой самоанализ пытающийся осознать процесс смыслообразования в его зарождении, источнике обречен на неудачу...» (Франкл, 1990; с. 99). Главная причина заключается в сознательном характере рефлексивных процессов и потому принципиальной невозможности интроспекции потребностно-мотивационных механизмов смыслообразования, а также анализа взаимодействия вершин самосознания понимающего себя субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного).

Экзистенциальный компонент самопонимания воплощается в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. Согласно К.Роджерсу, подлинное знание себя не может быть рациональным: оно спонтанно, эмоционально насыщено и непосредственно переживаемо (Роджерс, 1994).

Высшие уровни самопонимания достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности (Cook-Greuter, 1994). В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным знанием и совсем неосознаваемые компоненты. Экзистенциальное самопонимание закономерно включа-

ет моменты «потери себя» (Gadamer, 1977). Только при условии отказа от оперирования жёсткими, заранее заданными дихотомическими альтернативами осуществим глубокий анализ альтернативных возможностей и соответственно выделение новых неявных качеств исследуемой реальности (Брушлинский, 2003).

Таким образом, формирование и изменение ценностно-смысловых образований может происходить только в результате проживания ситуации личностного выбора, осуществления субъектной активности с последующей рефлексией оснований и последствий этого выбора. Простое размышление о собственных ценностных представлениях, не реализованное в реальном поведении не может стать механизмом саморазвития.

Посредством субъектных действий перестраивается и внешняя сторона деятельности, и смысловая сфера личности как внутренняя сторона деятельности. Поэтому личность как субъект целостной деятельности слагается из двух «половин»: субъекта регуляции операционально-технической стороны деятельности и субъекта смысловой саморегуляции (Карпинский, 2002).

Формирование и развитие ценностно-смысловой сферы личности невозможно без развития способности к саморегуляции, которая в свою очередь является сущностным механизмом субъектности в конкретно-психологическом плане (Моросанова, Аронова, 2007). В исследовании В.И. Моросановой и Е.А. Ароновой показано, что высокому уровню саморегуляции сопутствует высокий уровень самосознания. Полученные авторами результаты позволяют им сделать вывод о том, что развитие саморегуляции «ведет за собой» развитие самосознания (там же, с. 189), в том числе ценностно-смысловой сферы в юношеском возрасте. При этом авторы замечают, что саморегуляция есть «только механизм достижения поставленных целей. А какие цели ставит для себя человек, зависит только от него, от его ценностных ориентаций, которые задают направление для постановки целей» (там же, с. 192). Таким образом, можно говорить о том, что способность к саморегуляции, являясь необходимым условием развития ценностно-

смысловой сферы личности, в свою очередь зависит от особенностей ценностно-смысловых представлений. Регуляция поведения самосознанием, в частности личностными ценностями, является показателем высшей степени субъектности человека (там же).

Принятие и освоение ценностей – сложный процесс, образующий структуру, представленную в работе Я. Гудечека: информация о существовании ценности и условиях ее реализации «переводится» на собственный, индивидуальный язык, на уровне активной деятельности познанный ценность принимается или отвергается (Гудечек, 1989). В дальнейшем формирование ценностных ориентаций обретает два направления. Первый – через принятие ценности ведет к инклюзии, то есть к включению ее в личностно признанную систему ценностей, а затем – к динамическому изменению личности в соответствии с принятой ценностью. Вторым путем – отрицание ценности. По мнению ряда авторов (Братусь, 1988; Килина, 2004), именно этот путь характерен для наркозависимых подростков. Для них интернализация социально значимых ценностей «застревает» на уровне трансформации или активной деятельности, так как доминирует ценность наркотика, а общественные ценности (такие как семья, работа, здоровье, познание) не являются составляющими личностно признанной системы ценностей.

Б.С. Братусь выделяет несколько последовательно сменяющих друг друга стадий развития ценностно-смысловой сферы личности:

- эгоцентрическая (в качестве ценностей признается только то, что служит собственным интересам человека),
- группоцентрическая (ведущими становятся ценности и нормы группы, с которой человек себя идентифицирует),
- просоциальная (признаются общечеловеческие ценности),
- духовная (признаются высокодуховные идеалы, связанные с представлением о Боге, добре и справедливости) (Братусь, 1999).

При этом отмечается, что если у здоровых подростков формирование ценностно-смысловых ориентаций проходит от эгоцентрического, группоцентрического уровней до просоциального или духовно-

го, то наркозависимые подростки до начала злоупотребления нередко обладают широким кругом смысловых связей с миром, проявляя аллоцентрические, в том числе коллективистские, ориентации. В дальнейшем наблюдается обратное движение по смысловой вертикали – к узкогруппоцентрическим, корпоративным ориентациям и эгоцентрическим ценностям (там же).

Содержательное наполнение ценностных ориентаций традиционно представляется как единство эмоционального, когнитивного и поведенческого элементов. В процессе развития ценностных ориентаций происходит, прежде всего, эмоциональное оценивание, эмоциональное переживание внешней ситуации, явления-ценности. Это первая наиболее непосредственная и интуитивная связь личности с новым явлением действительности, и в процессе установления этой связи актуализируются установки, потребности, мотивы личности.

Становление ценностных ориентаций предполагает также рациональное оценивание, связанное с осознанием побуждений, мотивов, поступков, что и составляет когнитивную основу ценностей.

Важное место в структуре ценностных ориентаций принадлежит и поведенческому элементу. При этом следует подчеркнуть, что названный элемент представляет собой «практическое выражение» ценностей, учет реальных возможностей личности в данной деятельности.

Таким образом, в деятельности проявляется функциональное назначение системы ценностей личности. Ценности лежат в основе выбора жизненных целей человека, они объясняют причины его поведения. Их характер и содержание определяют общую направленность личности, которая, в свою очередь, обуславливает нравственную активность человека, выраженную в интенсивности и других особенностях процессов освоения социальных ценностей.

Присвоение себе ценностей представляет собой не пассивный процесс усвоения уже известных идеалов и норм, а является результатом субъектной активности, проживания и принятия ценности на уровне личности.

Как полагает А.Н. Леонтьев, внутреннее действует через внешнее и этим само себя изменяет (Леонтьев, 1975). Таким образом, внешние условия и воздействия не способны изменить систему ценностей, которая служит источником целеполагания. Только в процессе собственной активности (внутренней (по осознанию) и внешней (по реализации)) субъекта происходят изменения.

Система ценностей представляет собой динамическое образование. Если существование определенных ценностей не поддерживается человеком, если они не создаются, не реализуются и не актуализируются, то они постепенно теряются.

Изменения в системе ценностей, а это, прежде всего, смена ведущей, основной ценности, задающей определенность таким ценностно-мировоззренческим представлениям, как смысл жизни, назначение человека, нравственный идеал и др., играют роль «аксиологической пружины», передающей свою активность всем остальным звеньям системы (Антилогова, 2003).

Новая ведущая ценность, выступая альтернативой прежней, способна не только перестроить систему нравственных ценностей, но и изменить силу их мотивационного воздействия. Как отмечают отечественные психологи Д.Н. Узнадзе, Ф.В. Бассин, А.Е. Шерозия, перестройка системы ценностей, изменение субординации между ними свидетельствуют о глубоких преобразованиях в смысловой картине окружающего мира, изменении семантических характеристик различных его элементов (Яницкий, 2000).

Ценности и смыслы непостоянны: они изменяются во времени в результате деятельности людей, как изменяются и сами люди. Вследствие накопленного жизненного опыта то, что было для индивида центральной ценностью, может превратиться в периферийную или даже изменить свою полярность.

Переоценка ценностей и переориентировка смыслов – закономерный процесс развития личности. Приобретение новых жизненных и социальных ролей заставляет человека по-новому смотреть на многие вещи. В этом, по мнению Р.С. Немова, заключается основной мо-

мент личностного развития в старшем возрасте следующим за юностью (Немов, 1990).

Таким образом, ценностно-смысловая сфера – это функциональная система, формирующая смыслы и цели жизнедеятельности человека и регулирующая способы их достижения. С одной стороны, ценностно-смысловые образования прививаются человеку социумом, но, с другой стороны, и сам человек активно формулирует и конкретизирует их, принимая, изменяя или отвергая ценности и смыслы, предлагаемые обществом. На каждом этапе жизни у человека, исходя из социальных ценностей или биологических потребностей, должны появиться некие цели жизнедеятельности, для реализации которых необходимо понимание (или даже ощущение) их смысла. Именно такая осмысленность цели даёт человеку энергию для её реализации, делая её приоритетной. Отсутствие осмысленности целей дезорганизует всю систему ценностей, делая поведение человека или «автоматизированным», основанным на ожиданиях окружающих, или нецеленаправленным, зачастую противоречивым, девиантным. Неопределённость личностных смыслов мешает человеку занять своё место в социальной системе, что, в свою очередь, ещё более дезорганизует их.

Соответственно, нарушения развития ценностно-смысловой сферы личности влекут некий субъективный дискомфорт, который В. Франкл называет «экзистенциальной фрустрацией», в ответ на которую должна появляться какая-либо реакция компенсации, защиты. Одним из вариантов поведенческого реагирования на нарушения в развитии ценностно-смысловой сфере личности, по мнению многих авторов, может стать формирование аддиктивного (зависимого) поведения, в том числе наркотизм.

3.2. Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной саморегуляции

Проблема исследования человека с точки зрения его субъектных проявлений, процессов и условий его саморазвития и самораскрытия, его активного творческого отношения к явлениям действительности в

последние годы становится все более актуальной в различных направлениях и отраслях психологической науки.

Субъектное бытие человека сложно и многоаспектно, оно обеспечивается системой всей человеческой психики и реализуется в разнообразных формах (Брушлинский, 1991; Петровский, 1993). Одним из наиболее общих и существенных проявлений субъектности человека является его произвольная осознанная активность, обеспечивающая достижение принимаемых человеком целей. В понятии «субъект» акцентируется в первую очередь активное, деятельностное начало человека, реализуя которое, он осуществляет свои реальные отношения с действительностью (Абульханова, 1973; Леонтьев, 1975; Рубинштейн, 1976; Сосновский, 1993; Тихомиров, 1992). Основными характеристиками субъектной активности являются: ее творческий характер, способность изменять окружающий мир, способность к саморегуляции и самоорганизации (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и др.).

Именно поэтому в контексте общего аспекта субъектного развития и существования человека одно из центральных мест занимает проблема закономерностей осознанной регуляции человеком своей произвольной целенаправленной активности. От степени совершенства процессов саморегуляции зависит успешность, надежность, продуктивность, конечный исход любого акта произвольной активности.

Под осознанной саморегуляцией понимается системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей (Конопкин, Моросанова, 1989).

О.А. Конопкин разрабатывает функциональную структуру системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Конопкин, 1989, 1995). В качестве основных звеньев саморегуляции он выделяет следующие – цель деятельности, модель значимых условий, программа исполнительских действий, критерии успешности,

оценка результатов и коррекция системы саморегуляции. Каждое из звеньев реализуется соответствующим информационным процессом: целеполаганием, моделированием, планированием, программированием, оцениванием и корректированием. Дисфункция или структурный дефект любого регуляторного звена выводит из равновесия всю систему осознанного регулирования и уменьшает эффективность деятельности.

Процесс саморегуляции как система функциональных звеньев обеспечивает создание и динамическое существование в сознании субъекта целостной модели его деятельности, предвосхищающей его исполнительскую активность.

В.И. Моросанова, разрабатывая концепцию индивидуального стиля саморегуляции личности, выдвигает положение о том, что личностные особенности влияют на деятельность не непосредственно, а через сложившиеся индивидуальные способы саморегуляции активности (Моросанова, 1991, 1997, 2003). Личностные структуры различного уровня оказывают существенное влияние на то, какие цели и как ставит перед собой человек, а также модулируют специфическим образом индивидуальный профиль саморегуляции, т.е. особенности достижения этих целей.

В процессе изучения саморегуляции структурно-функциональная модель, предложенная О.А. Конопкиным, уточнялась и развивалась. В первую очередь это коснулось функции целеполагания и соответствующего ей звена цели. Это звено хотя и присутствует в описаниях самой модели, но при анализе общих закономерностей саморегуляции деятельности все внимание исследователей направляется именно на закономерности достижения уже принятых субъектом целей (Карпинский, 2002).

Активность человека, представленная на уровне целеобразования, рассматривалась О.К. Тихомировым как ведущий процесс на пути структурного оформления сознательных и произвольных компонентов регуляции деятельности (Тихомиров, 1977, 1992).

Роль ценностно-смысловых образований в обеспечении осознанной саморегуляции личности вырисовывается в рамках смыслового подхода к саморегуляции (Братусь 1999; Асмолов, 1990; Леоньев, 1995; Карпинский, 2002).

Общая закономерность психического развития личности как субъекта выражается в усилении способности к самодетерминации и закономерном расширении объема личностной свободы от внешних и внутренних обстоятельств (Карпинский, 2002).

Субъект черпает смысловые основания для своей деятельности из контекста взаимодействия с жизненным миром. По этому поводу В.Н. Сагатовский отмечает, что «жизненные смыслы или ключевые ценности субъекта отвечают на вопрос, во имя чего совершается данная деятельность. Их можно охарактеризовать как такие цели (высшие цели), которые в данной системе не являются средствами, они выполняют функцию конечного основания выбора тех предметов, средств, способов, которые и образуют целостную деятельность. По отношению к деятельности они суть системообразующие начала» (Сагатовский, 2001; с.118).

По мнению М.С. Яницкого, личностные ценности с одной стороны выступают в качестве высшего контрольного органа регуляции всех побудителей активности человека, определяя приемлемые способы их реализации. С другой – в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом. Система ценностей, таким образом, является важнейшим психологическим органом саморазвития, определяя одновременно его направление и способы его осуществления (Яницкий, 2000).

Как отмечает А.И. Донцов, ценностные ориентации направляют и корректируют процесс целеполагания человека (Донцов, 1974). Н.Ф. Наумова также выделяет ценности личности как один из механизмов целеполагания, так как они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создает упорядоченную, имеющую для человека смысл картину мира (Наумова, 1988).

Система ценностей определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности и является психологическим органом, связывающим в единое целое личность и социальную среду, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели (Яницкий, 2000).

Ценностные ориентации лежат в основе выбора жизненных целей человека, они объясняют причины его поведения. На основе сложившихся ценностных ориентаций осуществляется саморегуляция деятельности, заключающаяся в способности человека сознательно решать стоящие перед ним задачи, осуществлять свободный выбор решений, утверждать своей деятельностью те или иные ценности (Антилогова, 2003).

«Мотивация человеческого поведения – это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Значение предметов и явлений и их «смысл» для человека есть то, что детерминирует поведение» (Рубинштейн, 1976).

Функции собственно личностной смысловой регуляции заключаются в презентации жизненных отношений субъекту и согласовании его деятельности с устойчивой иерархизированной структурой этих отношений.

По мнению Э.А. Гребенниковой, ценностные ориентации, «Я концепция», самооценка и уровень притязаний в своей совокупности выступают как исходные составляющие механизма личностной саморегуляции (Гребенникова, 1995). В работе А.С. Шарова система ценностей выступает как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека (Шаров, 2000). Под регуляцией автор понимает направленную на развитие целостности субъектную активность, осуществляемую посредством системы выборов. Структура регуляции жизнедеятельности человека включает три подсистемы: ценностно-смысловую, подсистему активности и рефлексивную подсистему, а также три уровня работы этих подсистем: операциональный (регуляция поступков, поведения в конкретной ситуации с учетом внешних и внутренних факторов), тактический (постановка целей, планирова-

ние собственной деятельности) и стратегический (ориентация на дальнюю временную перспективу и принятые человеком ценности).

Смысловая регуляция позволяет присвоить деятельность, поскольку в смысловых структурах личности презентированы жизненные отношения, которые реализуют деятельность. При помощи смысловой регуляции личность может встать в отношении к собственной деятельности с точки зрения содержания жизненных отношений, которые эта деятельность осуществляет (Карпинской, 2002).

Б.С. Братусь выделяет в психологической структуре личности три соподчиненных уровня. Соотношение этих уровней таково, что нижележащий уровень «снимается» вышележащим и выступает в качестве его предпосылки. Итак, первый уровень психической жизни человека образован психофизиологическими процессами, которые детерминируют формально-динамические и формально-временные характеристики психического отражения и регулирования. Второй уровень – индивидуально-исполнительский, или уровень реализации. Именно на этом уровне сосредоточены все те свойства человека, которые обычно присовокупляют к личности в житейском представлении. Это – характер, социальные роли, индивидуальный стиль поведения, задатки и способности. Согласно воззрениям Б.С. Братуся, на этом уровне осуществляется операционально-техническая регуляция активности. Собственно личностный слой психического отражения представлен смысловыми образованиями, которые выполняют функции мотивационно-смысловой регуляции активности. На этом уровне «производятся» смыслы деятельности, которые выполняет человек, а также смыслы человеческой жизни (Братусь, 1988).

А.Г. Асмолов констатирует двуплановость психологической организации личности. План содержания структурирован из мотивов и прочих видов смысловых образований личности, которые задают смысловое содержание и направленность деятельности. План выражения в личности представлен способностями и чертами характера, которые обуславливают способ объективации смысловых образований в деятельности и поведении (Асмолов, 1990).

Г.А. Шмелев при анализе индивидуального стиля деятельности дифференцирует содержательные и стилевые свойства личности. Стилиевые свойства личности программируют индивидуальный стиль деятельности, но не отвечают за психологическое содержание этой деятельности. Содержательные свойства охватывают мотивы личности, которые побуждают деятельность и насыщают ее личностным смысловым содержанием (Шмелев, 2002).

Собственная активность личности детерминирована смысловыми структурами и процессами, которые осуществляют смысловую или побудительную регуляцию.

Таким образом, можно говорить о ведущей роли ценностно-смысловых образований личности в обеспечении саморегуляции поведения именно с точки зрения ее содержательного аспекта.

Наличие в структуре личности динамической смысловой системы, соотнесенной с определенной деятельностью, является главной психологической предпосылкой не только для онтологической самостоятельности, но также для эффективного осознанного регулирования этой деятельности. Напротив, выхолащивание личностного смысла препятствует эффективной осознанной саморегуляции деятельности и ведет к метаморфозе деятельности в безличное действие или операцию. Допустим, что личность осуществляет деятельность, которая не представляет для нее никакой субъективной ценности, то есть не имеет касательства к реализации ее смысловых структур – мотивов, ценностей, потребностей. Сможет ли личность эффективно регулировать эту деятельность? Решительно, нет. Потому что в систему психической регуляции деятельности не будут ангажированы смысловые структуры личности, которые образуют функциональное «ядро» всей системы осознанного саморегулирования (Карпинский, 2002).

По мнению О.А. Конопкина, именно высокая субъективная значимость деятельности или отдельного ее элемента, параметра по личностному смыслу определяет ее последовательное осознанное регулирование (Конопкин, 1989).

Высшим уровнем саморегуляции следует признать самодетерминацию, при которой личность не просто транслирует аккумулированный социальный опыт, а самостоятельно строит весь контур саморегуляции, творчески модифицирует усвоенные регуляторные механизмы на основе собственного субъектного опыта. В этой связи весьма перспективной является разработка понятия «субъектный опыт», введенного в исследованиях А.К. Осницкого. Основное содержание субъектного опыта наполняет личностное знание о способах эффективной организации деятельности путем создания оптимальных динамических систем сознательной саморегуляции. А.К.Осницкий выделяет компоненты субъектного опыта – ценностный опыт, опыт рефлексии, опыт привычной активизации, операциональный опыт и опыт сотрудничества, полагая, что ценностный компонент играет среди них центральную роль (Осницкий, 1986, 1996).

Роль смысловой регуляции в инициации и программировании субъектных действий – это роль внутренней инстанции, которая оценивает необходимость, срочность, выгодность реструктурирования деятельности.

В самом общем аспекте деятельность приобретает для личности смысл инструмента, при помощи которого личность объективирует свои смысловые структуры, преобразует действительность в потребном направлении (Карпинский, 2002).

Системное описание разнообразных логик психической регуляции предлагает М. Страс-Романовская в рамках экзистенциально-персоналистической концепции судьбы. Исследователь постулирует различные системы отношений человека с миром: биологическую, социальную, экзистенциальную. На регуляции человеческого бытия в этих измерениях специализируются различные структуры и механизмы психики. В биологическом измерении человек руководствуется «принципом наслаждения» или «хочу», который узаконен его потребностями. В социальном измерении человек послушается конвенциональным предписаниям по принципам реальности («могу») и долженствования («должен»). В экзистенциальном измерении чело-

век ориентируется на бытийные ценности и смыслы. Его экзистенциальное кредо – «это важно для моей жизни» (Карпинский, 2002).

В. Франкл говорит о соотношении причин и оснований поведения. Причины представлены побуждениями, влечениями, инстинктами, механизмами обусловливания, а субъективные основания – ценностями и смыслами. По мнению В. Франкла, причины не властны над человеком до тех пор, пока он не подведет под них субъективное основание (Франкл, 2000).

Таким образом, чем большую роль в процессе саморегуляции приобретает внутренний компонент целеполагания, чем больше цели субъекта соотносятся со смысловой необходимостью, тем в большей степени можно говорить о самодетерминации как проявлении субъектности личности.

В тоже время, исследования показывают, что декларируемые человеком ценности далеко не всегда регулируют его поведение, так как существуют выраженные индивидуальные различия в развитии личностной саморегуляции (В.И. Моросанова, 1997). Чем ниже уровень развития осознанной саморегуляции, тем с большей вероятностью поведение будет регулироваться ситуативными потребностями, не имеющими непосредственных связей с осознаваемыми ценностями. В самом деле, неспособность человека ставить перед собой цели и добиваться их достижения, регулировать собственное состояние в процессе преодоления возникающих препятствий делает невозможной реализацию личностных ценностей в реальной жизни и делает человека рабом обстоятельств. С другой стороны, полученные результаты могут объясняться тем, что не все декларируемые человеком ценности представляют собой реальные мотиваторы поведения. Ряд исследователей (Яницкий, 2000; Бубнова 1999) считают, что следует различать декларируемые (социально обусловленные, знаемые, но не обеспеченные личностным смыслом) и личностные (принятые человеком как собственные, пережитые, преломленные через самосознание) ценности. При этом декларируемые ценности не обладают мотивирующим потенциалом и не обуславливают поведение в кон-

кретной ситуации. В исследованиях В.И. Моросановой и Е.А. Ароновой, проведенных на испытуемых младшего юношеского возраста, показано, что существует слабая связь между ценностными ориентациями и способностью к саморегуляции (Моросанова, Аронова, 2007). По мнению авторов, саморегуляция в большей степени связана с другими (прежде всего субъектными) характеристиками. По всей видимости, полученные результаты связаны с особенностями возраста испытуемых. В младшем юношеском возрасте нельзя говорить о сформированности системы ценностей и согласованности ее с реальным поведением. По-видимому, такое интегрирование является перспективой развития, и реальное достижение высших уровней субъектности, для которых характерна высокая действенность самосознания, характерно для более зрелого возраста. Развитие регулирующей функции самосознания – высший уровень развития субъектной активности личности (В.И. Моросанова), достижение которого предполагает формирование тесных взаимосвязей процессов саморегуляции с ценностно-смысловой сферой личности.

Активность личности, направленная на перестройку собственной ценностно-смысловой сферы, является проявлением личностной способности к смысловой саморегуляции. В процессе этой активности личность как нигде предстает в качестве субъекта не только своей деятельности, но к тому же и самой себя.

Изменения, происходящие в ценностно-смысловой сфере личности, воздействуют на поведение не непосредственно, а через процесс саморегуляции (прежде всего, через особенности процесса целеполагания). Смена ведущей ценности перестраивает процесс саморегуляции таким образом, что вся деятельность субъекта оказывается подчиненной новой цели. Остальные цели теряют для человека личностный смысл, что приводит к нарушению саморегуляции в соответствующих сферах деятельности.

3.3. Влияние особенностей ценностно-смысловой сферы и саморегуляции личности на формирование аддиктивного поведения

Исследуя мотивацию потребления наркотиков, многие авторы обращались к изучению ценностно-смысловой сферы личности аддиктов.

Так Э. Фромм говорит о «моральном одиночестве», которое понимается автором как отсутствие связи с общественно значимыми ценностями, социальными стандартами, невозможность обрести смысл существования, что вызывает внутренние противоречия и напряжение. Один из способов избавиться от него – отдать себя во власть алкоголя или наркотиков (Фромм, 2000). Если на пути творческих тенденций встречаются непреодолимые препятствия, то человек становится разрушителем.

Большая группа теорий и концепций рассматривает в качестве источника возникновения аддикции противоречия в Я-концепции, фрустрацию экзистенциально значимых потребностей, утрату или отсутствие смысла жизни (гуманистические концепции, психосинтез, теория личностных конструктов, онтопсихология). В рамках данных концепций мы находим множество исследований, посвященных изучению влияния особенностей ценностно-смысловых образований на формирование аддиктивного поведения.

Дж. Келли говорит о внутренне конфликтной и противоречивой жизненной концепции как о причине снижения адаптационных возможностей, что в свою очередь может способствовать возникновению неврозов, алкоголизма, наркомании и других личностных расстройств (Келли, 2000).

Согласно В. Франклу, приобщение к наркотикам связано с фрустрацией стремления к смыслу. «Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов» (Франкл, 1990, с. 135).

А. Маслоу оперирует понятиями бытийных и дефицитарных ценностей, говоря о том, что движение к бытийным ценностям: (добра, красоты, жизненности и др.) представляет собой нормальное развитие. Движение личности к дефицитарным ценностям, является результатом фрустрации каких-либо значимых потребностей и представляет собой аномальную (асоциальную) линию развития (Маслоу, 1997). Неврозы и психологическая неприспособленность определяются им как «болезни лишенности».

К. Роджерс говорит о несоответствии «я реального» и «я идеального» в структуре Я-концепции как о причине возникновения повышенной тревожности, нарушений психологической адаптации, эмоциональных расстройств, аномального, в том числе, аддиктивного поведения. При этом главным источником проблем личности, по мнению К. Роджерса, является давление внешних социальных ценностей и установок, несоответствующих глубинным личностным ценностям человека (Роджерс, 1994).

К употреблению наркотиков приводит фрустрация, одиночество, отчуждение. Наркоман нуждается в том, чтобы чувствовать себя всемогущим, его зависимость – это образ жизни. Только изменение мировоззрения способно избавить его от зависимости (Олпорт, 1998). Кроме того, если рассматривать аддиктивную личность в рамках теории Г. Олпорта, то можно говорить о том, что ведущие человеческие ценности в условиях систематического приема наркотиков постепенно теряют свое значение для индивидуума. Однако «после этого» не значит «вследствие этого». Возможно и обратное – наркотизация как результат заполнения экзистенциального вакуума вследствие разочарования в прежних идеалах.

Таким образом, в рамках гуманистической психологии аддикция рассматривается как нарушение нормального развития, связанное с искажением мировоззренческих позиций личности, что в свою очередь приводит к нарушению процессов целеполагания. Коррекция зависимого поведения невозможна без изменений в мотивационно-потребностной и мировоззренческой сферах личности.

Основатель онтопсихологии А. Менегетти пишет, что наиболее эффективное и единственное решение, ведущее к победе, состоит в «притворном приспособлении к системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании, непрерывном движении вперед» (Менегетти, 2007; с. 153), т.е. в принятии ценностей, норм и общественных правил, при этом имея возможность реализации в рамках указанных социумом границ собственной внутренней сущности. Причиной формирования зависимости автор считает особенности воспитания, формирующего зависимую форму отношений, которая предшествует и определяет зависимое поведение.

Центральным понятием в контексте изучения аддиктивного поведения становится несоответствие личностных ценностей и общественных норм, правил, установок. Так американский социолог Д. Рисмен говорит о том, что источником ориентации личности на ту или иную ценностную систему может являться собственное мировоззрение человека или социальная среда, признающая или отвергающая определенные ценности (Рисмен, 1993). Д. Рисмен описывает «ориентированный изнутри» и «ориентированный извне» типы социального характера. Под социальным характером понимается «более или менее постоянная, социально и исторически обусловленная организация стремлений индивидуума и его возможностей их удовлетворения» (там же, с. 149). «Ориентированная изнутри» личность опирается на интериоризированные в раннем детстве нормы, принципы, ценности. По мнению автора, такая личность является более целеустремленной, динамичной, открытой переменам, осуществляющей «позитивное лидерство». Поведение ориентированной извне личности определяется не собственными принципами, а ценностями окружающих, внешними влияниями, модой. Такой человек характеризуется не только слабым «суперэго», представляющим собой интернализированную систему норм и ценностей, но и слабым самостоятельным «Я». Такой человек обезличен, пассивен, становится объектом манипулирования. Так устойчивая, непротиворечивая система субъективных ценностей делает человека устойчивым к внешним влияниям, позволяет ему принимать

самостоятельные решения в любой жизненной ситуации, так как именно она служит ориентиром поведения и поступков. Если же внутренняя система ценностей не сформирована или конфликтна, человек, не имея внутренней системы координат, вынужден ориентироваться только на внешние, непостоянные, противоречивые требования среды и окружающих.

Р. Ассаджиоли использует понятие жизненной ориентации как основного направления жизни человека (Ассаджиоли, 1997). Человек делает свой выбор на основе того, что он уже осознает, и будет действовать в соответствии с тем, что отвечает желаниям его души. Злоупотребление наркотиками рассматривается как личностное поведение, направленное на изоляцию от общества, где личность не признанна.

В рамках психосинтеза формируется теория субличностей, которая постулирует, что субличности образуются на основе психодинамических структур, которые уже существуют у плода в утробе матери в виде некоторых матриц. Данные структуры усложняются в процессе развития ребенка и закрепляются в виде паттернов. На определенном этапе развития личности эти паттерны становятся субличностями.

Субличность – это психодинамическая структура, которая, став достаточно сложной, стремится к независимому существованию. Она обладает собственными характеристиками, требует независимого существования и старается удовлетворить собственные потребности и желания через личность. Субличности располагаются вокруг ядра личности или центра чистого самосознания; границы между отдельными субличностями – «прозрачные» в норме и сплошные в случае диагноза множественной личности. Именно эта прозрачность границ в случае продолжительного приема наркотиков приводит к тому, что наркоманическая субличность «заражает» все остальные (там же).

При исследовании феномена «наркоманической субличности» в рамках психосинтеза было выявлено что это изначально либо депривированная, либо искаженная субличность, вносящая диссонанс в процессы целостной интеграции, которые становятся вдруг возмож-

ными в состоянии наркотической интоксикации. В этом и заключается адаптивное значение психоактивных веществ на начальном этапе заболевания. Однако в условиях продолжающегося приема наркотиков наркоманическая субличность становится доминирующей, что приводит к подавлению других структур личности. Так вступают в силу процессы личностной дезадаптации. Следует подчеркнуть, что даже в самых выраженных случаях зависимости от наркотиков в личности всегда остаются оппозиционные структуры или субличности, непримиримые к приему наркотиков, равно как и «сочувствующие» и индифферентные субличности, которые следующими вовлекаются в процесс наркотизации (Лисецкий, 2006).

В Гештальт-терапии наркомания рассматривается как нарушение процесса «контакт – ухода», когда одна доминирующая потребность выступает как фигура (Перлз, 2000). Образуется ригидный паттерн поведения, утрачивается контакт с реальностью. Гештальт остается незавершенным. Сознание удерживает в качестве фигуры лишь потребность, соответствующую принятому личностью представлению. Первоначально состояние наркотического опьянения избавляет человека от напряжения, связанного с невозможностью завершения некоторого гештальта (фрустрированная потребность). Однако в последствии само состояние опьянения становится единственной фигурой в сознании наркозависимого, при этом все другие потребности уходят в фон, теряя свое значение.

В отечественной психологии в рамках деятельностного подхода зависимое поведение можно определить как ложно опредмеченную потребность, а основной механизм его развития – как «сдвиг мотива на цель». Доминирующим мотивом становится поиск объекта, который удовлетворяет потребность, замещающую истинную, обладание объектом дает временное ослабление внутреннего напряжения. Вся смысловая сфера личности перестраивается в соответствии с этим ведущим мотивом. Объект зависимости может быть включен в структуру Я-концепции, как самостоятельный внутренний образ, и затем влиять на поведение аддикта.

Накопленный в отечественной психологии опыт изучения личности людей с различной психической патологией (Б.С.Братусь, А.Б. Холмогорова, Е.С. Мазур, Д.А. Леонтьев и др.) позволяет предположить, что в процессе формирования «наркоманической» личности определяющую роль могут играть деформации в структуре мотивационной и ценностно-смысловой сферы.

На дисгармонию ценностно-смысловых образований у наркозависимых подростков указывают в отечественных исследованиях И.А. Кудрявцев, Г.Б. Морозова и др. (1996 г.). По мнению специалистов, у них отмечается задержка личностного развития не только на уровне нравственной сферы, но и в отношении сформированности главной смысловой линии личности, соотносимой со смыслом жизни.

Теоретическим базисом, с помощью которого можно объяснить конкретный психологический механизм, реализующий влияние выявленных преморбидных особенностей мотивационно-потребностной сферы на интенсивность употребления ПАВ, могут служить представления В.К. Вилюнаса о механизмах взаимодействия и взаимовлияния субъективных носителей мотивационных процессов – эмоциональных явлений. В.К. Вилюнас считает, что реальной формой существования «жизненного пространства» следует рассматривать психический образ окружающего, в котором мотивационные процессы получают реальный носитель – эмоциональные переживания, которые взаимодействуя в рамках психического образа, формируют конкретное результирующее побуждение (Вилюнас, 1990). Итак, если результирующий эффект после приема индивидом какого-либо ПАВ обладает характером положительного подкрепления, то в зависимости от того, обладает ли этот индивид слабой или достаточной выраженностью указанных выше мотивационных детерминант, его поведение существенно различается. В первом случае ПАВ (при его доступности) употребляется все чаще и чаще; при этом никаких психологических факторов, этому противодействующих, не появляется. Человек, интенсивно употребляя наркотики, не переживает тех отрицательных эмоций, которыми должны были быть представлены соответствующими

щие неудовлетворяемые потребности. Во втором случае, индивид употребляет ПАВ и вследствие этого употребления начинает испытывать отрицательные эмоции, отражающие актуализацию соответствующих достаточно выраженных потребностей и интересов. Достаточная напряженность этих эмоций порождает конфликт типа «стремление-избегание» – обозначим его как первичный нормативно-аддиктивный мотивационный конфликт. Суть его состоит в том, что состояния опьянения, с одной стороны, привлекают, а с другой – отталкивают, так как приводят к фрустрации других потребностей. Разрешение конфликта при преобладании тенденции избегания заключается в формировании поведения, заключающегося в снижении употребления ПАВ или полном отказе от них; при преобладании же тенденции стремления возможно продолжение умеренного употребления ПАВ. Первичный нормативно-аддиктивный мотивационный конфликт, таким образом, предотвращает развитие зависимости от ПАВ.

Исследования показывают, что всем наркозависимым в преморбиде в значительной мере была свойственна слабая выраженность в том или ином сочетании хотя бы двух из следующих мотивационных детерминант: (а) ведущих к учету в их поведении чувств и желаний близких и родных (эгоцентризм); (б) обуславливающих следование общепринятым социально-приемлемым нормам поведения (антисоциальность); (в) обуславливающих определение средне- и долгосрочных планов своей деятельности («жизнь одним днем»); (г) обуславливающих достижение определенного социального статуса (нечестлибность); (д) обуславливающих познание таких новых сведений, которые не необходимы для получения конкретной и быстрой выгоды (нелюбознательность); (е) обуславливающих избегание «ненепосредственных», т.е. не действующих тотчас, опасностей для здоровья или развития («бесшабашность»).

По данным П.Д. Шабанова и О.Ю. Штакельберга (2000), центральное место в этиологии наркоманий занимают личностно-психологические особенности подросткового возраста, среди которых наиболее значимы незавершенное формирование мотивационно-

установочной и нравственно-ценностной сфер личности подростков. Ю.А. Васильева пишет о несформированности системы личностных ценностей у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения, указывая, что данный факт обуславливает «закрытость» наркозависимых для новых субъективных общечеловеческих ценностей (Васильева, 1997, с.59).

Согласно этно-культурному подходу А.В. Сухарева (1996) личность современного человека формируется из «осколков» различных культур, и поэтому лишена целостности и самоопределенности. В таких условиях формируется противоречивая, конфликтная ценностно-смысловая сфера личности, которая не может служить надежной опорой для человека в процессе принятия решений. Все это снижает адаптационный потенциал личности, что может приводить к формированию зависимости от психоактивных средств и лекарственных препаратов.

Ряд авторов (В.А. Петровский, К.С. Лисецкий, Е. В. Литягина, Н.Ю. Самыкина) рассматривают снижение осознанной саморегуляции, ограничения в возможности проявления субъектности в качестве основного фактора формирования аддикций. В рамках субъектного подхода (В.А. Петровский) психическая зависимость рассматривается как устремление, т.е. самоценная форма активности субъекта, заключающая в себе возможности неограниченного самовоспроизводства. Устремления В.А. Петровский определяет как форму активности, где «хочу» (потребности, ценности) и «могу» (способности и возможности) выступают совместно, это направленность человека на продуцирование таких действий, процесс осуществления которых сам по себе переживается как наслаждение (Петровский, 1996, с. 127). В исследованиях К.С. Лисецкого, Е.В. Литягиной (2006 г.) показано, что для лиц, склонных к формированию аддикции, в целом характерна выраженная личностная незрелость или «невзрослость», которая выражается в несформированности и противоречивости системы ценностей, неспособности к самостоятельному целеполаганию, принятию ответственных решений в ситуации значимых для личности выборов. По-

требители ПАВ отличаются отсутствием субъектной позиции по отношению к себе и собственной жизни (Петровский, Лисецкий, 2008). Наркотик восполняет личности недостаток субъектности.

При этом в качестве основного превентивного фактора в формировании аддикций представители субъектного подхода (В.А. Петровский, К.С. Лисецкий, Е. В. Литягина, Н.Ю. Самыкина) рассматривают способность к саморегуляции, проявлению субъектности в ситуации неопределенности. Основными характеристиками субъектной активности является ее творческий характер, способность изменять окружающий мир (активность), и, что особенно важно, способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации (Абульханова-Славская, 1981; Ананьев, 1980; Брушлинский, 2003; Рубинштейн, 1976). При этом степень или индивидуальный уровень, а также развитость отдельных функций целостной системы саморегуляции зависят от особенностей мотивационно-потребностной (Моросанова, 1997) и смысловой сфер личности (Леонтьев, 2000).

Таким образом, многие исследователи прямо или косвенно указывают на ведущую роль нарушений ценностно-смысловой сферы личности в возникновении наркотической зависимости. Однако, остается неясным вопрос о причинах этих нарушений: являются ли они следствием зависимости или они изначально присущи личности и служат фактором наркотизации.

Мы предполагаем, что вследствие употребления наркотиков ценностно-смысловая сфера личности претерпевает кардинальные изменения, которые приводят к формированию зависимости. Эти изменения влияют на поведение не сами по себе, а через процесс саморегуляции личности. Так сужение круга осознаваемых ценностей ограничивает количество значимых для человека целей, осуществляемых в поведении и деятельности, что приводит к нарушению нормативной активности личности. Формирование ценности состояния наркотического опьянения и приобретение ею роли ведущей ценности в ценностно-смысловой сфере личности приводит к тому, что вся деятельность человека оказывается подчиненной достижению единственной

цели – употреблению ПАВ. При этом другие виды деятельности теряют свой личностный смысл, что нарушает процесс их саморегуляции. Кроме того, любые внешние воздействия, противоречащие ведущей ценности, оцениваются личностью как враждебные и не находят должного отражения в сознании наркозависимых, что затрудняет работу по вторичной профилактике наркомании.

ГЛАВА 4. ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ НАРКОТИЗАЦИИ И НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩЕЙ НАРКОТИКИ

Констатирующая часть экспериментального исследования ценностно-смысловой сферы и особенностей саморегуляции личности на различных стадиях наркотизации проводилась в несколько этапов.

На *первом этапе* решалась задача выбора тех эмпирических референтов, которые могли бы выступать индикаторами изменений ценностно-смысловой сферы личности на различных этапах наркотизации.

Мы предположили, что в процессе наркотизации в ценностно-смысловой сфере личности формируется новообразование – стремление к состоянию наркотического опьянения. Выявление этого ценностного новообразования возможно только косвенным путем, так как данная ценность не является декларируемой и не признается наркозависимыми. Однако результат влияния данного образования проявляется в тех различиях, которые можно наблюдать в структуре ценностно-смысловой сферы у лиц на различных стадиях наркотизации.

В качестве эмпирического референта негативных изменений ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации может выступать *сужение сферы осознаваемых личностных ценностей* по мере увеличения стажа наркопотребления. Сужение спектра ценностей свидетельствует о том, что все меньшее количество жизненных интересов служат для субъекта реальными мотиваторами деятельности, что нарушает процесс саморегуляции в соответствующих сферах жизни.

В качестве второго показателя негативных изменений ценностно-смысловой сферы личности выступает *увеличение количества нереализованных ценностей*. Данный критерий указывает на тот факт, что в процессе наркотизации все связи и отношения субъекта меняются таким образом, что реализация большинства жизненных ценностей (та-

ких как семья, любовь, здоровье) оказывается субъективно невозможной. Острота переживания нереализованности жизненных ценностей снижается в состоянии наркотического опьянения, что делает его еще более значимым для человека. Субъективная невозможность реализации ценностей в реальной жизни снижает их регуляторную роль в организации поведения.

Третьим показателем негативных изменений ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации выступает *изменение смыслового содержания ценностных представлений*. При этом происходит сближение в смысловом поле сознания значимых личностных ценностей с состоянием наркотического опьянения. То есть реализация большей части жизненных ценностей оказывается субъективно возможной только в этом состоянии. При этом ценности из реальных побудителей деятельности становятся только декларируемыми и теряют для субъекта подлинный смысл, что субъективно может выражаться в *потере смысла жизни*.

На *втором этапе* производился выбор методических средств исследования.

На *третьем этапе* проводилась диагностика декларируемых ценностей, а также конструирование семантического дифференциала.

На *четвертом этапе* применялся метод экспериментальной психосемантики.

На *пятом этапе* производилась обработка и интерпретация полученных результатов.

Характеристика выборки

Всего в исследовании приняли участие 214 человек. Из них: 54 – наркозависимые; 92 – потребители психоактивных веществ; 68 – люди не употребляющие психоактивные вещества.

Для достижения целей исследования, при подборе испытуемых нами учитывался их возраст, стаж употребления психоактивных веществ и возраст начала употребления. В качестве испытуемых в исследовании принимали участие взрослые люди в возрасте от 21 до 45 лет. Выбор такой возрастной группы обусловлен тем, что в данном

исследовании представляется важным выявить изменения нормально сформированной ценностно-смысловой сферы в процессе наркотизации. Это позволит выявить различия в структуре ценностно-смысловой сферы по мере увеличения стажа наркотизации, а не обусловленные возрастными особенностями испытуемых. Согласно сложившимся в науке представлениям (Божович, 1968), система ценностей может считаться в основном сформированной к окончанию юношеского возраста. Поэтому для экспериментального исследования в качестве испытуемых были выбраны взрослые люди (в возрасте 21-45 лет). Можно предположить, что негативная динамика ценностно-смысловой сферы личности в подростковом и юношеском возрасте будет протекать более скоротечно и разрушительно. Это связано с неокончательной сформированностью ценностных позиций личности, неустойчивостью и противоречивостью системы ценностей, что является отличительной чертой подросткового возраста.

Для достижения цели исследования выборка испытуемых была разделена на три группы:

1) экспериментальная группа – наркозависимые (стаж употребления наркотических веществ – от 2 до 9 лет; начальный период наркотизации приходится на возраст старше 20 лет) – 54 человека. Из них 40 мужчин, 14 женщин (соотношение мужчин и женщин в экспериментальной группе в целом отражает данное соотношение в среде наркозависимых);

2) экспериментальная группа – потребители наркотиков (имеет место факт эпизодического употребления психоактивных веществ в течение более одного года. Под эпизодическим понимается потребление наркотиков от нескольких раз в месяц до нескольких раз в год без признаков формирования наркотической зависимости) – 92 человека. Из них 63 мужчины, 29 женщин;

3) контрольная группа – лица не употребляющие наркотические вещества (имеющие опыт экспериментирования с наркотиками) – 68 человек. Из них 45 мужчин, 23 женщины (указанное соотношение мужчин и женщин в контрольной группе связано с преобладанием в

двух экспериментальных группах лиц мужского пола и направлено на уменьшение различий в составах сравниваемых групп). Опыт экспериментирования с психоактивными веществами являлся критерием отбора испытуемых в контрольную группу на том основании, что для достижения целей исследования важно наличие данного опыта для субъективного оценивания состояния наркотического опьянения.

Следует заметить, что при организации процедуры эмпирического исследования не учитывались социально-демографические характеристики (например, образование или семейное положение испытуемых), поскольку проверка влияния этих факторов не предусматривалась исходной целью работы.

Для выявления иерархической системы осознаваемых ценностей нами применялся метод интервьюирования. Испытуемым предлагалось составить список того, что является для них наиболее ценным и значимым в жизни. После составления списка ценностей испытуемых просили проранжировать их по степени значимости, для выявления иерархической структуры ценностных образований.

Данный метод исследования представляется нам наиболее адекватным для выявления осознаваемых личностных ценностей. В отличие от опросников, в которых предлагается проранжировать в порядке значимости уже заданный список ценностей, мы предлагаем испытуемым самим называть значимые для них в жизни вещи. С помощью традиционных методик, как правило, не удастся выявить различий ценностных ориентаций у наркозависимых и здоровых людей (Шабанов, 1998). На наш взгляд, это связано с высоко развитой у наркозависимых способностью к ситуативному самоконтролю и адаптации (Лиसेцкий, Литягина, 2006). Из предложенного списка они выбирают в качестве наиболее значимых те ценности, которые соответствуют принятым в обществе нормам. Поэтому результаты некоторых исследований указывают на то, что декларируемые ценности у наркозависимых незначительно отличаются от таковых у здоровых людей (Шабанов, 1998, с. 58). В случае, если испытуемым самим приходится называть значимые для них в жизни вещи, гораздо труднее подстраиваться под социально желательный стереотип.

Для выявления количества нереализованных ценностей после составления списка индивидуальных ценностей, испытуемым предлагалось оценить в процентах (от 0 до 100%) степень реализованности этих ценностей в их жизни.

Для выявления особенностей смыслового содержания выделяемых испытуемыми ценностей, их просили охарактеризовать каждую из этих ценностей с помощью пяти понятий, наиболее точно описывающих переживания, связанные с реализацией этих ценностей.

Составление списка ценностей и их ранжирование проводилось индивидуально с каждым испытуемым.

Далее на основании полученного списка наиболее часто называемых ценностей и понятий, описывающих эти ценности, конструировалась методика семантического дифференциала для каждой из исследуемых групп.

Методы экспериментальной психосемантики позволяют изучать личность как носителя некоторого пространства смыслов, исследовать индивидуальную систему значений, анализировать влияние мотивационных факторов и эмоциональных состояний субъекта на формирующуюся у него систему значений, позволяет преобразовывать чувственную информацию в знаковую форму (Петренко, 1998). В качестве графической модели индивидуального сознания конструируются психосемантические пространства, как пространства особым образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты некоторой содержательной области. Методы психосемантического исследования личности дают возможность исследования уникальных личностных причин обращения к наркотику, позволяют увидеть природу возникновения зависимости.

Психосемантические методы дают возможность получить достоверные результаты при проведении исследований в таких группах, где существуют сомнения в адекватности использования методов, требующих самоотчета (там же). В ходе проведения психосемантического исследования удастся выявить неосознаваемые, а значит не контролируемые на сознательном уровне, смысловые связи, что дает

возможность увидеть истинную, а не декларируемую систему ценностно-смысловых образований личности.

Семантический дифференциал – метод количественного и качественного исследования значений понятий с помощью набора биполярных шкал с определенным количеством делений на каждой, предложенный Ч.Е. Осгудом. Семантический дифференциал позволяет измерять коннотативное значение, связанное с эмоциями, личностным смыслом и опытом, социальными установками, стереотипами и другими слабо структурированными и мало- и неосознаваемыми формами восприятия и отношения. Коннотативному значению противопоставляется денотативное значение, которое понимается как знание об объекте оценивания, о его реальных характеристиках. Денотативное значение – когнитивно, межличностно, осознаваемо, объективно, а коннотативное значение – субъективно, индивидуально, ценностно, эмоционально, метафорично (Петренко, 1997).

При конструировании семантического дифференциала в качестве объектов были взяты выявленные в каждой группе ведущие ценности ее представителей. К ним прибавлялся объект, произвольно введенный нами на основании теоретической гипотезы – состояние наркотического опьянения. В качестве дескрипторов (оценочных шкал) были взяты понятия, предложенные самими испытуемыми как описывающие эти ценности. Испытуемым предлагалось оценить объекты по всем оценочным шкалам в диапазоне от -3 до 3 баллов. Бланки семантического дифференциала для испытуемых трех групп представлены в приложениях 1, 2, 3.

Полученные групповые матрицы подвергались процедуре факторного анализа (для описания ценностей в пространстве смысловых категорий) и кластерного анализа (для выявления местоположения ценности «состояния наркотического опьянения» в системе ценностей) (пакет Statistica 6.0).

Для диагностики основных смысложизненных ориентаций, характеризующих личность как субъекта своей жизни, был применен Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Данная

методика применяется с целью определения осмысленности человеком собственной жизни и способности управлять ее ходом, что характеризует человека в качестве субъекта собственной жизни.

В результате проведенного исследования особенностей ценностно-смысловой сферы личности на различных этапах наркотизации было обнаружено следующее.

Различия в системе ценностей во всех трех группах выявились уже на первом этапе исследования.

Список наиболее значимых ценностей (ранговый показатель ценности в иерархии не ниже 5-го) испытуемых контрольной группы представлен в таблице 3. (ценности указаны в порядке убывания частоты встречаемости).

Таблица 3.

Список наиболее часто упоминающихся ценностей
(контрольная группа)

	Частота встречаемости (%)	Реализованность (%)
Здоровье	100	48
Семейное благополучие	80,88	64
Любовь	75	57
Материальное благополучие	70,59	58
Свобода	67,65	67
Дружба	61,76	86
Познание	61,76	66
Творчество	61,76	65
Гармония	57,35	52
Уверенность в себе	57,35	68
Интересная работа	54,41	56
Самосовершенствование	54,41	69
Широкий круг общения	51,47	76
Насыщенность жизни	50	77

Уважение окружающих	50	82
---------------------	----	----

Таким образом, можно видеть, что ведущие ценности представителей контрольной группы являются социально значимыми, значительное место в иерархии занимают ценности саморазвития (свобода, познание, творчество, самосовершенствование). При этом нужно отметить высокую степень реализованности в жизни испытуемых тех ценностей, которые они выделяют как значимые. Единственное исключение в данном случае составляет ценность здоровья, которая в большинстве случаев может рассматриваться как дефицитарная (выступает как ведущая в ситуации беспокойства за свое здоровье или здоровье близких).

Количество ценностей, называемых каждым испытуемым контрольной группы, составляло не менее шести (таблица 4).

Таблица 4.

Количество называемых декларируемых ценностей
(контрольная группа)

Количество называемых ценностей	Количество испытуемых (%)
6	10,29
7	16,18
8	11,76
9	16,18
10	17,65
11	16,76
12	4,41
13	7,35

Описание названных ценностей с помощью близких по смыслу понятий не вызывало у испытуемых затруднений.

В группе потребителей наркотиков список наиболее значимых декларируемых ценностей по сравнению с контрольной группой меняется незначительно. Список наиболее значимых ценностей (ранго-

вый показатель ценности в иерархии не ниже 5-го) испытуемых второй экспериментальной группы представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Список наиболее часто упоминающихся ценностей
(вторая экспериментальная группа)

	Частота встречаемости (%)	Реализованность (%)
Здоровье	97,70	51
Материальное благополучие	83,91	54
Свобода	82,76	77
Интересная работа	74,71	37
Семья	68,97	39
Дружба	59,77	66
Развлечения	57,47	86
Общественное признание	52,87	47
Уверенность в себе	52,87	62
Творчество	50,57	69

В данной группе испытуемых не наблюдается единообразия относительно степени реализованности ведущих ценностей в реальной жизни. Реализованность в жизни таких ценностей как «свобода», «развлечения», «творчество» оцениваются испытуемыми второй экспериментальной группы выше, чем представителями контрольной группы. Наименее реализованными оказываются такие ценности как «интересная работа», «семья», «общественное признание».

Испытуемые второй группы, выполняя предложенное задание, называли не менее пяти значимых ценностей (таблица 5) и не испытывали затруднений при описании их близкими по смыслу понятиями.

Список наиболее значимых ценностей (ранговый показатель ценности в иерархии не ниже 5-го) испытуемых первой экспериментальной группы представлен в таблице 7.

Таблица 6.

Количество называемых ценностей
(вторая экспериментальная группа)

Количество называемых ценностей	Количество испытуемых (%)
5	6,52
6	15,22
7	11,96
8	13,04
9	16,30
10	13,04
11	10,87
12	7,61
13	3,26
14	1,09
15	1,09

Таблица 7.

Список наиболее часто упоминающихся ценностей
(первая экспериментальная группа)

	Частота встречаемости (%)	Реализованность (%)
Здоровье	100	42
Свобода	94,44	34
Материальное благополучие	88,89	57
Развлечения	77,78	62
Насыщенность жизни	70,37	51
Семья	64,81	31
Дружба	59,26	36

Нужно отметить, что значимые ценности, названные представителями данной группы, не отличаются значительно от ценностей ис-

пытуемых второй экспериментальной (потребители наркотиков) и контрольной (здоровые люди) групп. Этот факт может служить подтверждением высокой способности наркозависимых к социальной адаптации. При этом степень реализованности таких ценностей как «здоровье», «семья», «дружба», «свобода» в жизни представителей данной группы оценивается ими как минимальная, поэтому значимость этих ценностей в данном контексте можно рассматривать как дефицитарную.

При выполнении предложенного задания большинство испытуемых называли 2-3 значимых ценности (таблица 6) и испытывали значительные затруднения при описании их близкими по смыслу понятиями. Смысловые описания ценностей у данных испытуемых ограничивались 1-2 понятиями и носили крайне стереотипный характер.

Таблица 8.

Количество называемых ценностей
(первая экспериментальная группа)

Количество называемых ценностей	Количество испытуемых (%)
1	5,56
2	31,48
3	48,15
4	11,11
5	3,70

Для выявления достоверности различий в количестве называемых ценностей в трех группах испытуемых, нами был применен U-критерий Манна-Уитни (таблица 9). Критерий предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака, количественно измеренного (Сидоренко, 2003). Применение данного критерия обусловлено значительными различиями в количестве испытуемых в сравниваемых группах. U-критерий Манна-Уитни применяется в том случае, если дисперсии сравниваемых групп существенно отличаются, в следствие чего использование более мощного t-критерия Стьюдента может приводить к неверным результатам.

Таблица 9.

Различия в количестве называемых ценностей в трех группах

Группы	Среднее значение		Сумма рангов		U	Z	р-уров.	Z-скорр.	р-уров.
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2					
Э1 и Э2	2,759	8,739	1491,0	9240,0	6,0	-10,0448	0,0000	-10,1024	0,0000
Э1 и К	2,759	9,176	1485,0	6018,0	0,0	-9,4637	0,0000	-9,5411	0,0000
Э2 и К	8,739	9,176	7025,0	5855,0	2747,0	-1,3151	0,1885	-1,3265	0,1847

Из таблицы 9 видно, что различия в количестве называемых ценностей в группе здоровых людей и в группе потребителей ПАВ недостоверны. Однако, процент испытуемых, называющих менее 7 значимых ценностей в группе потребителей ПАВ значительно выше, чем в группе лиц, не употребляющих наркотики (таблицы 4, 6). В группе наркозависимых количество называемых ценностей статистически достоверно ниже, чем в двух других группах, что указывает на сужение спектра осознаваемых ценностей на стадии зависимости.

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что *с утяжелением стадии наркотизации происходит сужение спектра осознаваемых ценностей и увеличивается количество нереализованных ценностей*. Можно предположить, что эти две тенденции связаны между собой. Употребление наркотиков первоначально служит цели ослабления переживания нереализованности значимых потребностей и ценностей. В состоянии наркотического опьянения человек переживает чувство «Могу». Поэтому, чем большее количество значимых ценностей оказываются нереализованными, тем большую власть над человеком получает наркотик. Наркотическая зависимость формируется согласно механизму «сдвига мотива на цель», когда из средства преодоления фрустрации состояние наркотического опьянения становится самостоятельной ценностью, запускающей наркотическое поведение. Со временем эта ценность занимает доминирующую позицию в иерархии ценностей личности, подчиняя себе все остальные. Реализация этой ценности становится необходимым условием переживания реализованности всех других ценностей. При

этом ценность состояния наркотического опьянения не декларируется, и на сознательном уровне противопоставляется всем другим.

Далее на основании полученного списка наиболее часто называемых ценностей и понятий, описывающих эти ценности, конструировалась методика семантического дифференциала для каждой из исследуемых групп.

Полученные в результате проведения методики данные были подвергнуты процедуре факторного анализа. Факторизация данных позволяет перейти от большого числа шкал оценки к небольшому количеству обобщенных характеристик, которые могут интерпретироваться как скрытые, латентные переменные, обуславливающие основную долю дисперсии данных. Согласно методологии экспериментальной психосемантики (Петренко, 1983, 1988, 1997), выделенные факторы можно интерпретировать как базовые латентные категории, ценностные ориентации. Следует отметить, что подобные латентные ценностные ориентации могут явно не осознаваться.

Для извлечения факторов был использован метод главных компонент, проблема достаточного количества факторов решалась на основании хорошей интерпретируемости полученной факторной структуры после вращения «варимакс», в качестве дополнительного критерия был использован критерий Кеттелла (критерий «каменистой осыпи»).

Далее строились семантические пространства по среднегрупповым показателям для каждой из сравниваемых групп испытуемых.

При построении семантических пространств для наглядности из всех полученных факторов мы выбрали по два наиболее информативных (объясняющих больший процент дисперсии).

Рассмотрим семантическое пространство испытуемых первой экспериментальной группы (наркозависимых) по среднегрупповой матрице по первым двум факторам (таблица 10):

Таблица 10.

Факторные нагрузки первых двух факторов
(первая экспериментальная группа)

	Фактор 1	Фактор 2
Сила	0.187461	0.830353
Хор. самочувствие	0.085647	0.463788
Уверенность	-0.038866	0.807533
Безопасность	0.884240	0.013281
Радость	-0.392843	0.232431
Независимость	-0.060744	0.499155
Большие возможности	-0.181937	0.870359
Стабильность	0.861797	-0.100514
Удовольствие	0.093622	0.444673
Спокойствие	0.826120	-0.415239
Веселье	0.077255	0.159245
Гармония	0.850355	-0.052215
Интерес	-0.712599	-0.400672
Изменение	-0.446871	0.516307
Умиротворенность	0.903691	0.100424
Забота	0.144575	-0.172842

Первый фактор на положительном полюсе объединяет такие характеристики как безопасность, стабильность, спокойствие, гармония, умиротворенность; на отрицательном полюсе – интерес. Этот фактор оказывается связан с категорией риска, который воспринимается как нечто опасное, но желанное, интересное.

Во второй фактор на положительном полюсе входят такие характеристики как сила, уверенность, большие возможности. Фактор является однонаправленным, что позволяет разместить на втором полюсе противоположные характеристики. Данный фактор связан с понятием потенциальных возможностей.

Так семантическое пространство может быть поделено на четыре четверти.

В первой четверти располагаются ценности, дающие ощущение стабильности и высокого потенциала.

Во второй четверти – ценности, дающие ощущение стабильности, но связанные с переживанием отсутствия потенциальных возможностей.

В третьей четверти располагаются объекты, наделенные в сознании испытуемых смыслом риска (интереса) и низких возможностей.

В четвертой четверти – ценности, реализация которых дает ощущение риска и высокого потенциала.

Далее приводится семантическое пространство испытуемых первой экспериментальной группы (рисунок 1).

Рисунок 1. Семантическое пространство испытуемых первой экспериментальной группы

При качественном анализе семантического пространства испытуемых первой группы получаем следующие результаты:

Ценность состояния наркотического опьянения располагается в четвертой четверти семантического пространства вместе с такими объектами как насыщенность жизни и свобода (то есть с ведущими ценностями, которые декларируются наркозависимыми) и описывается как переживание интереса и больших возможностей. Рассматриваемый объект имеет высокие значения по обоим факторам, что свидетельствует о высокой значимости данного объекта в смысловом пространстве испытуемых, то есть о доминировании данной ценности в системе ценностей наркозависимых. При этом такие характеристики как гармония, удовлетворенность (то есть именно те понятия, в которых описывается состояние «кайфа» в ходе клинической беседы) оказываются на противоположном полюсе, то есть несовместимы с состоянием опьянения. Данный результат свидетельствует о том, что в стадии болезни гедонистическая функция наркотиков уже нарушена, состояние наркотического опьянения выступает как единственно возможное состояние нормального функционирования организма, то есть служит временному улучшению психического состояния.

По фактору «интерес-стабильность» состояние наркотического опьянения оказывается также близким с ценностью развлечения. По второму из выделенных факторов (потенциал) данная ценность близка таким объектам как «здоровье» и «материальное благополучие». Таким образом, состояние наркотического опьянения оказывается в сознании наркозависимых неразрывно связанным со всеми ведущими ценностями. Исключение составляют ценности семьи и дружбы, которые располагаются во второй четверти пространства и описываются как стабильные, не представляющие интереса, не предоставляющие возможностей. Важно отметить, что данные ценности описываются испытуемыми данной группы как нереализованные (их реализация в реальной жизни, по субъективному мнению наркозависимых, невозможна).

Рассмотрим семантическое пространство испытуемых второй экспериментальной группы (потребители наркотиков) (таблица 11).

Таблица 11.

Факторные нагрузки первых двух факторов
(вторая экспериментальная группа)

	Фактор 1	Фактор 2
Хор. самочувствие	0.097796	0.809455
Сила	-0.102087	0.944999
Спокойствие	-0.102524	0.019554
Большие возможности	0.000000	0.724244
Уверенность	-0.097882	0.617701
Независимость	0.035940	0.552149
Уважение	0.028532	-0.065290
Радость	0.834868	0.321077
Тревога	0.156745	-0.160320
Ответственность	-0.221355	-0.688988
Любовь	0.821560	-0.213225
Интерес	0.894108	-0.253992
Веселье	0.904198	0.136099
Гордость	0.424972	-0.085881
Самостоятельность	-0.097882	0.065417
Самовыражение	0.627715	0.158384

Первый фактор на положительном полюсе включает в себя такие характеристики как радость, любовь, интерес, веселье; на отрицательном полюсе – противоположные характеристики. Данный фактор связан с переживанием положительных эмоций.

Второй фактор на положительном полюсе содержит такие характеристики: хорошее самочувствие, сила, большие возможности, уверенность; на отрицательном полюсе – ответственность.

Таким образом, семантическое пространство может быть поделено на четыре четверти.

В 1-й четверти располагаются ценности, дающие переживание позитивных эмоций и активной жизненной позиции.

Во второй – ценности, связанные с переживанием позитивных эмоций и предполагающие ответственную позицию.

В третьей – объекты, связанные с переживанием преимущественно негативных эмоций и требующие ответственности.

В четвертой – ценности, дающие ощущение активности, но связанные с переживанием негативных эмоций.

Далее приводятся семантическое пространство контрольной группы (рисунок 2).

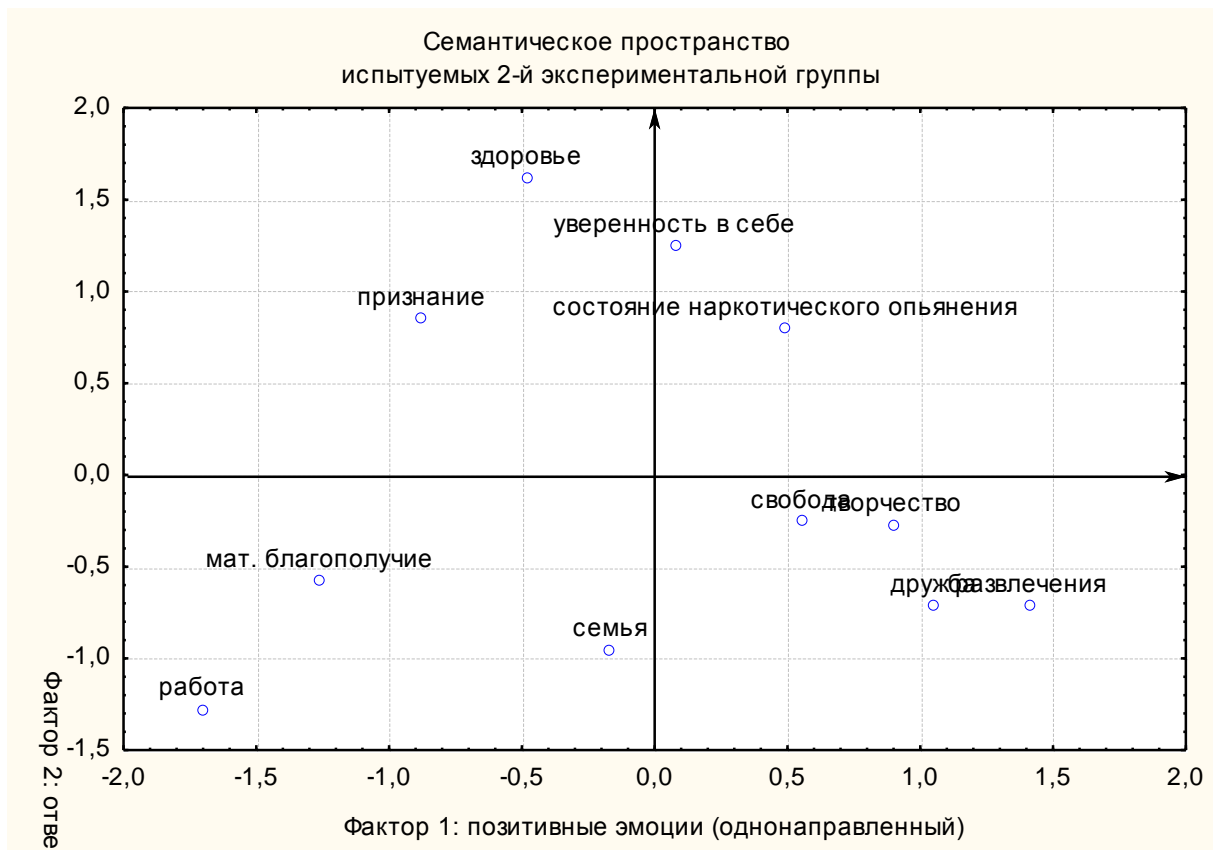

Рисунок 2. Семантическое пространство контрольной группы

При интерпретации результатов, полученных во второй экспериментальной группе, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в смысловом пространстве испытуемых понятия силы, активности, больших возможностей противопоставляются понятию ответственности. В то же время в контрольной группе эти понятия образуют единый фактор и располагаются на одном полюсе. Объект «Состояние наркотического опьянения» располагается в первой четверти пространства вместе с объектом «уверенность в себе» и описывается

как приносящий положительные эмоции и ощущение больших возможностей без переживания ответственности за последствия собственных действий. Таким образом, состояние наркотического опьянения дает испытуемым переживание избыточных возможностей, что служит, по всей видимости, главным фактором приобщения к наркотикам. По первому фактору (положительные эмоции) рассматриваемая ценность оказывается близкой к таким смысловым образованиям как свобода, творчество, дружба, развлечения. По второму фактору – с такими ценностями как здоровье, признание. Отдельную группу в семантическом пространстве занимают такие ценности как работа, семья, материальное благополучие – они располагаются в третьей четверти и описываются как требующие ответственного отношения и связанные преимущественно с негативными эмоциональными переживаниями. Скорее всего, такое расположение объясняется тем, что ценности интересная работа и материальное благополучие описываются у большинства испытуемых данной группы как нереализуемые. Реализация данных ценностей вступает в противоречие с наркопотреблением, что вызывает негативные переживания. При этом, несмотря на несомненную значимость состояния наркотического опьянения для испытуемых данной группы, данный объект не занимает полярной позиции в семантическом пространстве ни по одному из факторов, что не позволяет в данном случае говорить о доминировании данной ценности в ценностно-смысловой сфере личности. Это значит, что употребление наркотических веществ, несмотря на желательность данного состояния, может вызывать у испытуемых данной группы ценностный конфликт, обострять противоречия между разнонаправленными группами ценностей. В то же время у испытуемых первой экспериментальной группы состояние наркотического опьянения напротив служит средством снятия ценностного конфликта, являясь способом реализации значимых ценностей и отодвигая на второй план сознания (делая незначимой) единственную контр-ценность – семью.

Рассмотрим пространство испытуемых контрольной группы (таблица 12).

Таблица 12.

Факторные нагрузки первых двух факторов (контрольная группа)

	Фактор 1	Фактор 2
Независимость	-0.469892	0.475396
Ответственность	0.349407	0.703073
Тревога	-0.221128	-0.049570
Радость	0.731755	0.537769
Хор. самочувствие	0.906778	0.334448
Спокойствие	0.836883	0.375022
Сила	0.338612	0.825100
Большие возможности	0.029277	0.933353
Интерес	0.083980	-0.044642
Забота	0.821672	0.117505
Счастье	0.742642	0.499457
Уверенность	0.438469	0.745780
Удовольствие	0.597471	0.500527
Самовыражение	-0.439888	0.157068
Безмятежность	0.833206	-0.025528
Развитие	0.199392	0.744691

Первый фактор включает в себя на положительном полюсе такие характеристики как радость, хорошее самочувствие, спокойствие, забота, счастье, безмятежность. Фактор является однонаправленным, поэтому на втором полюсе располагаются противоположные характеристики. Данный фактор может быть назван фактором субъективного благополучия.

Второй фактор объединяет на положительном полюсе такие характеристики как ответственность, сила, большие возможности, развитие; на отрицательном полюсе – противоположные характеристики. Он может быть назван «Субъектная активность».

Так семантическое пространство может быть поделено на четыре четверти.

В 1-й четверти располагаются ценности, дающие человеку ощущение благополучия и активности.

Во второй – ценности благополучия и пассивности.

В третьей – переживание тревожности и пассивности.

В четвертой – ценности, дающие ощущение тревожности и активности.

Далее приводятся семантическое пространство контрольной группы (рисунок 3).

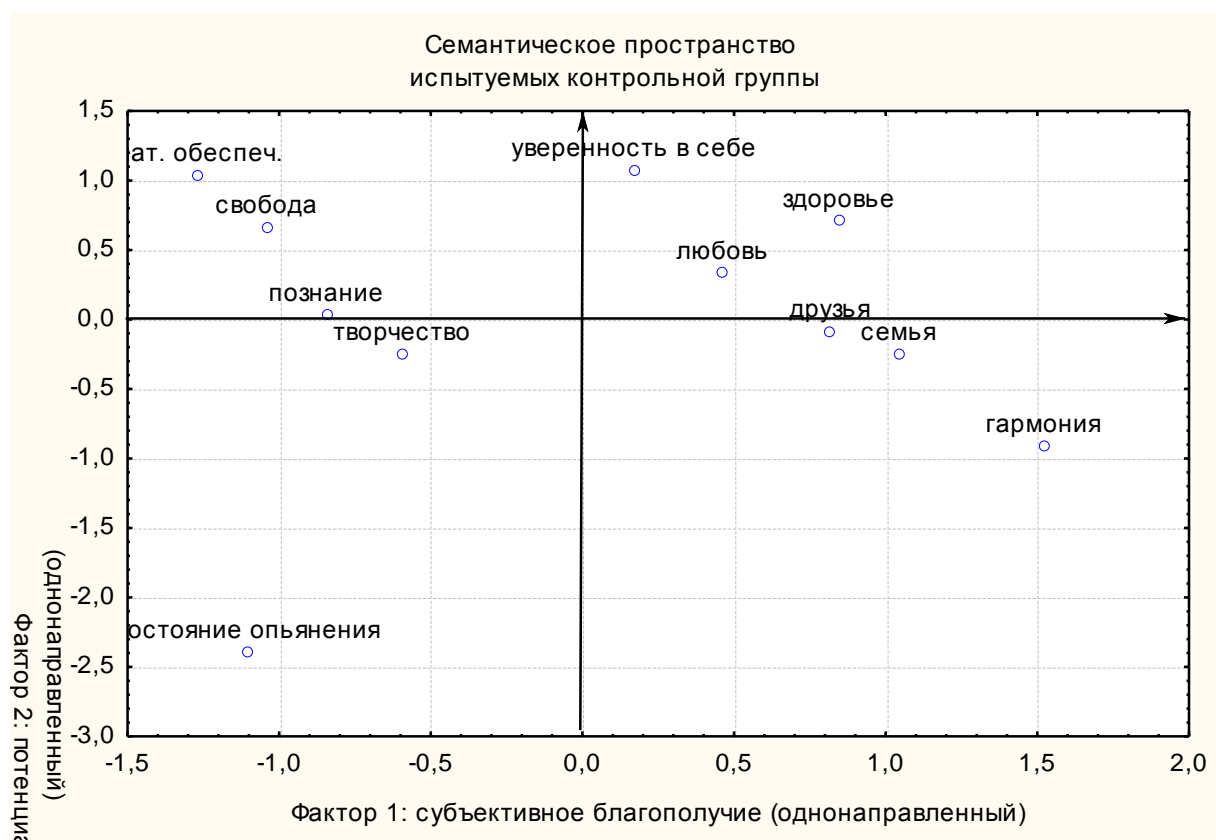

Рисунок 3. Семантическое пространство контрольной группы

При анализе семантического пространства испытуемых контрольной группы обнаруживается, что максимальное количество значимых ценностно-смысловых образований располагаются в 1-й и 4-й четвертях, то есть их реализация предполагает активную жизненную позицию, действие. При этом такие понятия как свобода, познание, творчество, материальная обеспеченность вызывают тревогу.

Можно предположить, что эти смысловые универсалии входят в зону неопределенности, что в сочетании с активной позицией субъекта позволяет рассматривать данные ценности в качестве ведущих стимулов развития личности. Объект «состояние наркотического опьянения» располагается в 3-й четверти, то есть описывается как состояние неблагополучия и пассивности при этом обладает крайними значениями по обеим шкалам. Максимальное пространственное удаление от других объектов семантического пространства позволяет сделать вывод о том, что данное образование не представляется для испытуемых данной группы важным или интересным, более того, может описываться как анти-ценность, то есть противоречащая наиболее значимым смысловым универсалиям, что служит главным фактором наркоустойчивости в данной группе испытуемых.

Мы выделили ценности, общие для всех трех групп испытуемых: «семья», «здоровье», «дружба», «свобода». При анализе семантических пространств обеих экспериментальных и контрольной групп можно обнаружить различия смыслового содержания ценностей на различных этапах наркотизации. ***Общие для всех групп ценностные образования обладают различным смысловым содержанием.*** Так ценность семьи в контрольной группе описывается как дающая ощущение субъективного благополучия, близкая по смыслу с такими ценностями как дружба, любовь, гармония. Таким образом, ценность семьи может рассматриваться как значимая, задающая один из векторов личностного развития. Во второй экспериментальной группе (потребители наркотиков) ценность семьи декларируется как значимая, однако смысловая нагрузка ее значительно отличается. В семантическом пространстве объект «семья» располагается в третьей четверти и оценивается как требующий ответственного отношения, эмоционально негативный. Такое положение в системе смыслов дает основание говорить о том, что данная ценность не выступает реальным регулятором поведения и теряет свой мотивообразующий потенциал, хотя и признается значимой. В 1-й экспериментальной группе (наркозависимые) ценность семьи также декларируется как одна из значимых, од-

нако в семантическом пространстве испытуемых данной группы данный объект занимает положение во второй четверти пространства и описывается как неизменный, стабильный, не вызывающий интереса, при этом блокирующий потенциальные возможности. Данный объект оказывается противопоставлен «состоянию наркотического опьянения», занимающему центральную позицию в сознании наркозависимых. Полученные данные позволяют говорить о том, что ценность семьи не имеет личностного смысла для испытуемых, так как не вписывается в наркоманский образ жизни, а потому перестает играть роль регулятора поведения.

Ценность свободы, выявленная как одна из наиболее значимых во всех трех группах, также обладает различным смысловым содержанием. В контрольной группе состояние свободы описывается как переживание силы, ответственности, больших возможностей, тревоги. Таким образом, понятие свободы входит у испытуемых третьей группы в зону неопределенности, что в сочетании с активностью и ответственностью дает понятие субъектности. В группе наркопотребителей понятие свободы описывается сходным образом и связано с категориями ответственности и позитивными эмоциональными переживаниями. Однако, в отличие от контрольной группы, свобода в сознании испытуемых данной группы не предполагает собственной активности субъекта. Понятия активности, силы, больших возможностей у испытуемых данной группы противопоставляются представлению об ответственности, что может свидетельствовать об инфантильной жизненной позиции. Необходимость принимать на себя ответственность за собственные действия блокирует активность субъекта в данной сфере жизни, что препятствует реализации соответствующих ценностей. Состояние наркотического опьянения дает переживание свободы без ответственности, поэтому представляет несомненную ценность.

В первой экспериментальной группе (наркозависимые) свобода определяется, прежде всего, понятием интереса и риска. Смысловая категория ответственности у наркозависимых вообще отсутствует.

Так, обращаясь к терминологии Э. Фромма (2000), можно говорить о том, что свобода у здоровых людей это «свобода для», свобода наркоманов – «свобода от».

Ценность здоровья, выявленная в качестве одной из наиболее значимых во всех трех группах, также обладает различным смысловым содержанием. У здоровых людей понятие здоровья описывается в категориях субъективного благополучия и требует от субъекта активности по его поддержанию, ответственного отношения. В группе потребителей ПАВ здоровье оказывается важным для обеспечения активной жизненной позиции, однако не предполагает ответственности. Кроме того, категория здоровья связана с негативными эмоциональными переживаниями, что может свидетельствовать о нереализованности данной ценности. В группе наркозависимых рассматриваемая ценность описывается как дающая силу и уверенность. По данному фактору этот объект в семантическом пространстве оказывается близок к объекту «состояние наркотического опьянения». Однако он не вызывает интереса. Учитывая, что ценность здоровья в понимании наркозависимых представляется нереализуемой («наркоман здоровым не бывает»), наркотик выступает единственным средством поддержания нормального физического состояния.

Понятие «дружба» в группе наркозависимых описывается как не вызывающее интереса и не несущее в себе потенциальных возможностей, в отличие от двух других групп, где то же понятие связывается с переживанием позитивных эмоций и субъективным ощущением благополучия. Полученный результат может быть объяснен тем фактом, что в наркоманском сообществе понятие дружбы существует только номинально, на самом же деле отношения в рассматриваемой группе строятся на основе взаимовыгоды, что исключает личностное общение. Построение дружеских отношений вне наркоманской группы у наркозависимых затруднено, так как прежние социальные связи в процессе наркопотребления разрушаются, а новые практически не устанавливаются вследствие несовместимости с наркоманским образом жизни. Таким образом, ценность дружбы у наркозави-

симых оказывается малореализуемой и не выступает движущим мотивом в поведении.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что *общечеловеческие ценности, декларируемые в наркосообществе, либо теряют свой мотивообразующий потенциал, перестают быть реальными побудителями поведения и остаются только признаваемыми, но не реализуемыми, либо они наделяются здесь совершенно другим смыслом, что делает их совместимыми с наркоманским образом жизни.*

Для выявления местоположения ценности «состояния наркотического опьянения» в системе ценностей личности был проведен кластерный анализ результатов психосемантического исследования.

Метод кластерного анализа решает задачу построения классификации, разделения исходного множества объектов на группы. Он представляет собой процедуру упорядочивания объектов в сравнительно однородные классы на основе попарного сравнения этих объектов по измеренным критериям.

При проведении факторного анализа нашей основной задачей было охарактеризовать ценности в пространстве базовых смыслов, характерных для экспериментальных и контрольной групп. Однако для построения классификации предварительное выделение базовых латентных характеристик не является обязательным этапом. Поскольку в результате факторного анализа часть дисперсии данных неизбежно теряется, то для кластерного анализа была использована изначальная среднегрупповая матрица, что позволяет получить более точные результаты.

В нашем исследовании был использован иерархический кластерный анализ. Поскольку при анализе различий между ценностями нам важно учитывать анализ различий по каждой характеристике, по которой ценность была оценена, была использована метрика городских кварталов (city-block). Отметим, что использование евклидовой метрики и метрики городских кварталов часто (но не всегда) приводит к весьма схожим результатам.

В качестве меры объединения ценностей в кластеры использовалось взвешенное среднее расстояние. Как следует из литературы (Наследов, 2004), метод средней связи дает более точные результаты кластеризации в сравнении с методами одиночной или полной связи. Взвешенное среднее означает, что при вычислении среднего расстояния вводится весовой коэффициент поправки на количество объектов в кластере, что повышает точность кластеризации, особенно в тех случаях, когда получаемые кластеры существенно различны по числу входящих в них элементов.

Результаты кластерного анализа представлены на дендрограммах. На дендрограмме контрольной группы (рисунок 4) можно видеть образование трех кластеров объектов, которые соответствуют трем группам ценностей, обладающих для испытуемых сходным смысловым содержанием.

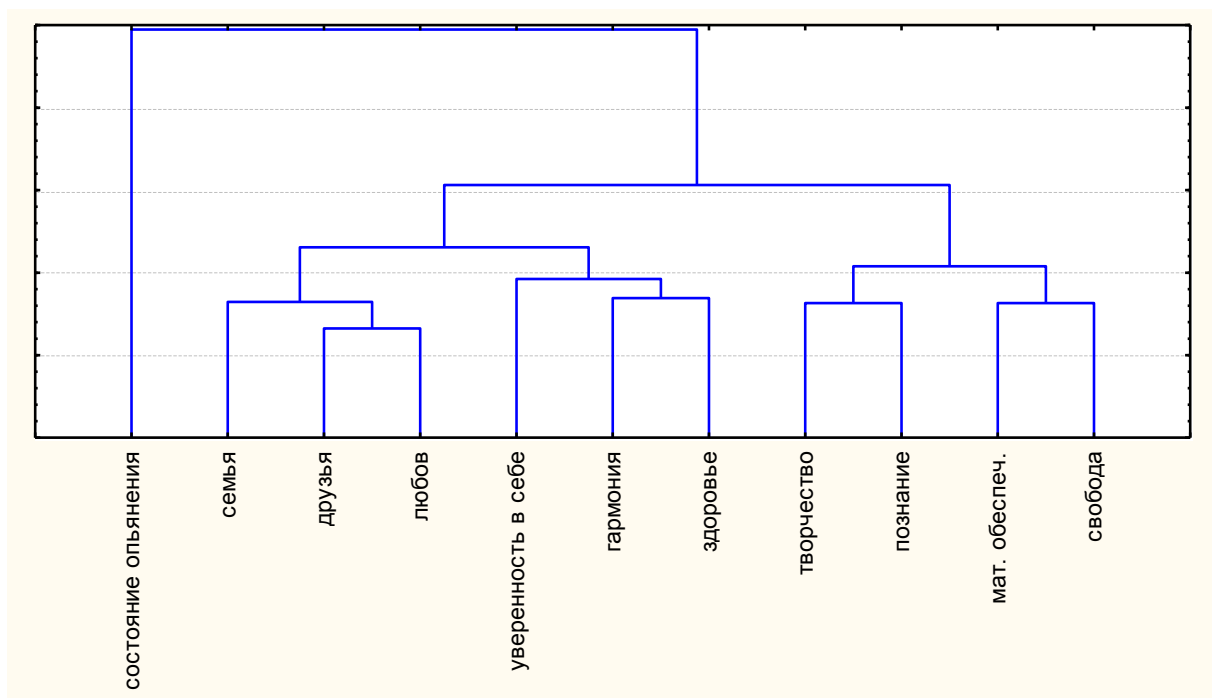

Рисунок 4. Дендрограмма контрольной группы

В первый кластер объединяются такие объекты как «семья», «друзья», «любовь», которые можно объединить под общим названием – интимно-личностные отношения.

Второй кластер объединяет объекты «уверенность в себе», «гармония», «здоровье» и может быть назван «субъективное благополучие».

В третий кластер входят такие объекты как «творчество», «познание», «материальная обеспеченность», «свобода», которые можно объединить под названием «личная состоятельность».

Таким образом, в ценностно-смысловой сфере представителей контрольной группы можно выделить три группы близких по смыслу, связанных между собой ценностных образований. При этом состояние наркотического опьянения не оказывается включенным ни в один из этих классов объектов и не обнаруживает значимых смысловых связей с ними. Полученный результат указывает на то, что ценность состояния наркотического опьянения не является значимой в структуре ценностно-смысловых образований для представителей контрольной группы.

При анализе дендрограммы второй экспериментальной группы (рисунок 5) нужно отметить, что понятие «состояние наркотического опьянения» образует первичный кластер с ценностью «развлечение». То есть эти два понятия оказываются неразрывно связанными в сознании наркопотребителей. При этом можно выделить еще как минимум две группы ценностных образований, связанных между собой.

Одну группу составляют такие понятия как «работа», «творчество», «свобода», которая может быть объединена общим понятием – самореализация.

Вторую группу составляют ценности «признание», «благополучие», «дружба», «уверенность в себе», которая может быть объединена под общим понятием – благополучие.

Эти две независимых группы ценностных образований оказываются несвязанными в сознании испытуемых с потреблением наркотических веществ. Более того, наркоманский образ жизни может препятствовать их реализации и вызывать ценностный конфликт. По всей вероятности, именно возникновение данного ценностного конфликта заставляет испытуемых контролировать потребление наркотиков и препятствует формированию неркозависимости.

Нужно отметить, что ценность «семьи» в сознании испытуемых второй экспериментальной группы оказывается несвязанной ни с од-

ной из выделенных групп ценностей, то есть она субъективно не связана ни с личным благополучием, ни с самореализацией, что может указывать на фрустрированность данной ценности в реальной жизни испытуемых.

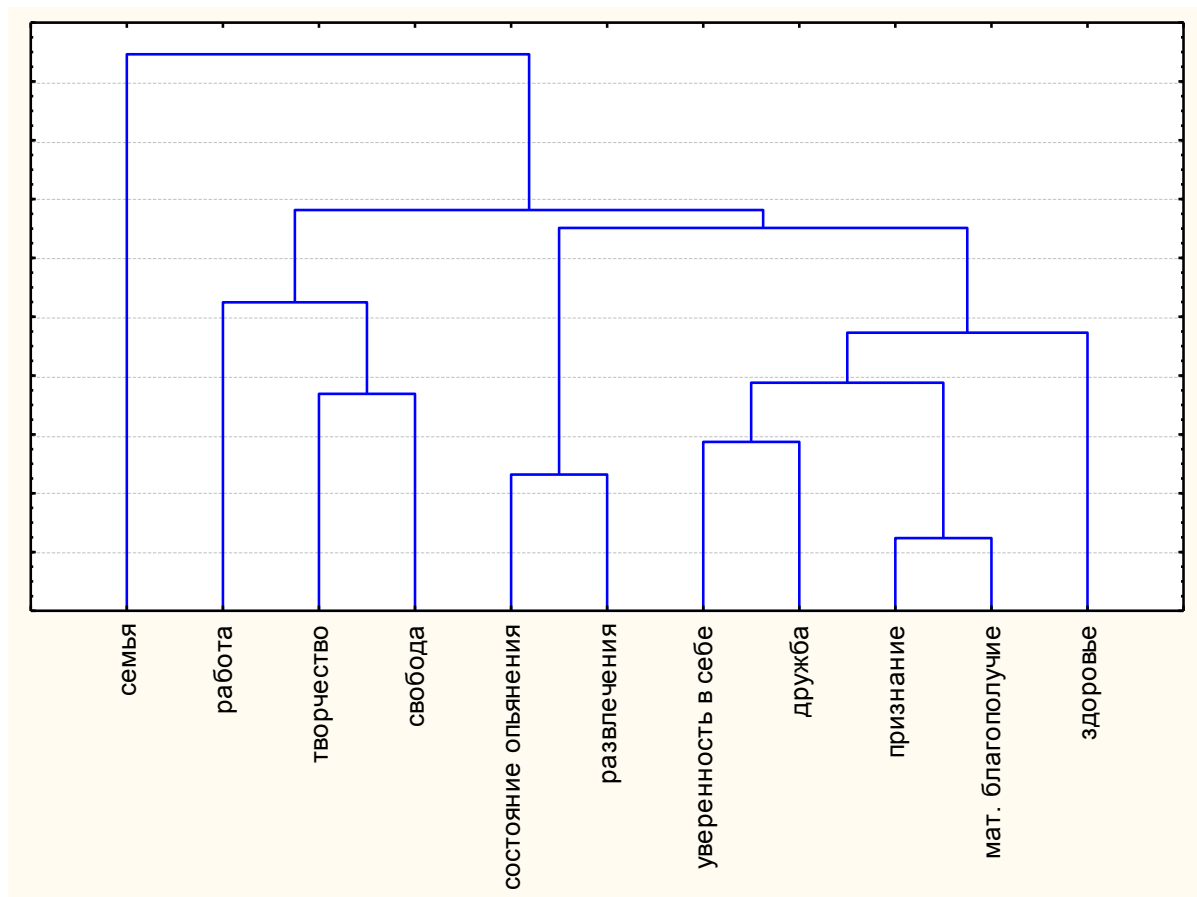

Рисунок 5. Дендрограмма второй экспериментальной группы

На дендрограмме 1-й экспериментальной группы (рисунок 6) можно видеть, что ценность состояния наркотического опьянения объединяется в первичный кластер с ценностью «развлечения» и образует вторичный кластер с такими понятиями как «свобода», «насыщенность жизни», «материальное благополучие». Данное объединение ценностных образований составляет ядро ценностно-смысловой системы личности и служит основой смыслообразования.

Оставшиеся ценности («семья», «дружба», «здоровье») не объединяются в кластеры, то есть являются разрозненными и не могут служить альтернативой наркоманскому образу жизни. Кроме того, перечисленные ценности с точки зрения испытуемых, не могут быть

реализованы в жизни, что лишает их побуждающей силы и снижает их регулирующую роль в поведении. Таким образом, можно говорить о том, что ценность наркотического опьянения в семантическом пространстве испытуемых данной группы занимает центральное положение и во многом определяет смысловую нагруженность других ценностно-смысловых образований.

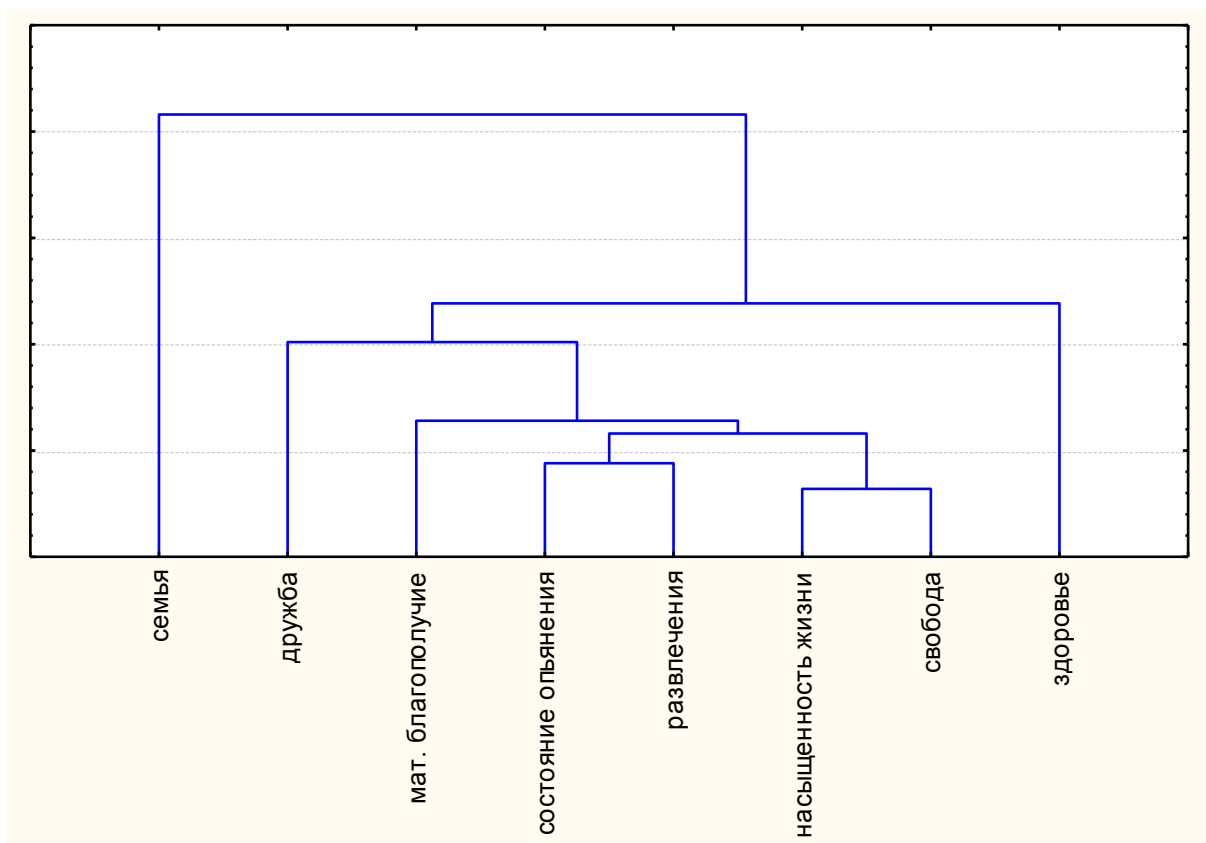

Рисунок 6. Дендрограмма первой экспериментальной группы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В психологической науке наркомания рассматривается как проблема личности, употребляющей психоактивные вещества в определенном социо-культурном контексте, и требующая комплексного решения и участия специалистов различных структур ведомств. В соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации психологами и юристами Самарского государственного университета была инициирована рабочая группа по организации и координации антинаркотической деятельности. В рабочей группе приняли участие руководители и заместители руководителей таких структур, как: Управление ФСКН России по Самарской области, Департамент по вопросам общественной безопасности Самарской области, Главное Управление МВД РФ по Самарской области, Управление ФСБ РФ по Самарской области, Средневолжское линейное управление внутренних дел на транспорте, Главное управление федеральной службы исполнения наказания РФ по Самарской области, Министерство образования и науки Самарской области, Министерство здравоохранения и социального развития Самарской области, Министерство спорта, туризма и молодежной политики Самарской области, Департамент информационной политики и связей с общественностью, Главное правовое управление аппарата правительства Самарской области, представители Прокуратуры и Общественной Палаты Самарской области, Самарский общественный суд, депутаты Самарской губернской Думы, ректор Самарского государственного университета, Самарский государственный медицинский университет, Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний РФ, Следственное управление следственного комитета РФ по Самарской области, Уполномоченный представитель по правам ребенка по Самарской области, Уполномоченный представитель по правам человека по Самарской области, ответственный секретарь Антинаркотической комиссии Самарской области др.

Результатом работы группы явился **Проект Решения совещания в режиме «круглого стола» по теме «Создание в Российской Феде-**

рации механизмов побуждения лиц, допускающих немедическое потребление наркотиков, к прохождению курса освобождения от наркотической зависимости». Содержание разработанного документа мы приводим ниже.

1. Внести предложение по изменению и дополнению действующего законодательства в:

1.1. Уголовный кодекс Российской Федерации в части:

– расширения главы 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статьей, предусматривающей уголовную ответственность за потребление НС или ПВ без назначения врача и отнесения его к категории преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не могут превышать 2 лет лишения свободы;

– предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности за потребление НС или ПВ без назначения врача при условии добровольного прохождения курса лечения от наркотической зависимости и медико-социальной реабилитации;

– ведения института принудительного лечения, определяемого решением суда в отношении обвиняемым по преступлениям небольшой и средней тяжести, признанным в установленном порядке страдающими наркоманией;

– снижения возраста наступления уголовной ответственности по ст. ст. 228 и 228.1 УК до 14 лет и внесения соответствующих изменений в ч. 2 ст. 20 УК;

– отказа от понятий «крупный размер» и «особо крупный размер» применительно к ст. 228 УК РФ, устанавливая уголовную ответственность за любое количество вещества, признанного наркотическим;

– признания в ходе судебного разбирательства совершения любого преступления лицом, принимающим наркотики, либо в состоянии наркотического опьянения отягчающим обстоятельством;

– исключения при осуждении лица за совершение преступления, связанного с наркотиками, условного осуждения, а также возможности применения к нему амнистии;

– ужесточения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, за склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, а также за организацию и содержание наркопритонов;

– применения к несовершеннолетним обвиняемым по преступлениям небольшой и средней тяжести, признанным в установленном порядке страдающими наркоманией, п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ, в части, касающейся

– передачи под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа.

1.2. Кодекс об административных правонарушениях в части:

– введения административной ответственности за однократное предоставление помещения для потребления НС или ПВ;

– установления ответственности родителей (или иных законных представителей) несовершеннолетних в возрасте до 16 лет за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ;

– наделения должностных лиц, осуществляющих государственный надзор и контроль за безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, правом проведения освидетельствования водителей транспортных средств на предмет потребления наркотических средств и психотропных веществ с применением средств инструментального контроля.

1.3. Общеправовые вопросы:

– в целях формирования системы ранней диагностики наркозависимости, в частности, посредством ежегодной диспансеризации проведение тестирования в общеобразовательных учреждениях, в учреждениях начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования, призывников на срочную военную службу, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, на техногенно-опасных объектах;

– создание новой системы молодежной медиа-политики, направленной на формирование в обществе отношения нетерпимости к потреблению наркотиков, в том числе регламентирующей правоотношения при использовании сети Интернет в целях предупреждения и пресечения распространения в сети негативного контента;

– установление обязанности должностных лиц, выявивших лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ, сообщать о выявленных фактах в органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ с последующим внесением данных о лицах, допустивших незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ, в банк данных об административных правонарушениях;

– в целях создания системы мотивационных мер, стимулирующих отказ от потребления наркотиков, законодательно определить перечень профессий, исключающих трудоустройство лиц, ранее судимых за незаконный оборот наркотиков и (или) являющихся их потребителем.

2. Активизировать работу по совершенствованию социально-реабилитационной деятельности:

2.1. В целях формирования системы ранней диагностики наркозависимости, в частности, организовать проведение ежегодной диспансеризации и тестирования в общеобразовательных учреждениях, в учреждениях начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования, призывников на срочную военную службу, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, на техногенно-опасных объектах;

2.2. Разработать и внедрить инновационную методику реабилитации наркозависимых и единую методику реабилитационной деятельности, содержащую требования по основным формам и критериям оценки деятельности участвующих в программе добровольной сертификации организаций и учреждений, специализирующихся на оказании услуг в сфере реабилитации и ресоциализации. Принять не-

обходимые меры по организации содействия и установления соответствующего контроля за их работой;

2.3. Создать пилотный центр социальной реабилитации в регионе как первый этап формирования национальной системы реабилитации;

2.4. Разработать во взаимодействии с объединениями предпринимателей в регионе программ по ресоциализации лиц, прошедших курс лечения от наркотической зависимости, предусмотрев возможность трудоустройства указанной категории граждан и выполнения мер по оказанию им психологической помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова В. В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. – №2 – 2002. – С.3-12.
2. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973. – 288 с.
3. Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. — М.: Наука, 1981. -С. 19-45.
4. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
5. Абшаихова У.А., Сирота Н.А. Клинико-катамнестическое исследование поведения подростков, больных гашишной наркоманией. «Саморазрушающее поведение у подростков». Л.: Изд-во Ленинградский психоневрологический институт», 1991.
6. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М., 1993. – 175 с.
7. Аксёнова Г.И. Формирование субъектной позиции учителя в процессе профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1998.
8. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63-70.
9. Алексейчик А.Е. Интенсивная терапевтическая жизнь. 1992 // hpsy.ru/authors/x272.htm
10. Амосова Ю.В., Перстнев С.В. Влияние характерологических особенностей на мотивацию употребления наркотика у подростков с опийной зависимостью / Всеросс.науч.-практ.конф. с междунар.участ. «Актуальные проблемы клинической, социальной и военной психиатрии». СПб, 2005
11. Ананьев Б.Г. Избранные труды: В 2-х т., Т. I. – М., 1980. – 232 с.

12. Антилогова Л.Н. Нравственная мотивация и ее роль в саморегуляции поведения личности // Проблемы психологии мотивации: Сб. научных трудов по материалам научно-практич. конфер. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 32-35.

13. Антилогова Л.Н. О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – Вып. 2.

14. Анцыферова Л. И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 3-18.

15. Артемов С. Д. Социальные проблемы адаптации молодого рабочего на промышленном предприятии//Молодежь и труд. – М., 1970. – С.235-136.

16. Асеев В. Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. – Иркутск, 1986. – С.3-17.

17. Асеев В.Г. Возрастная психология. – Иркутск., 1989. – 195 с.

18. Асмолов А. Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.

19. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М.: «Ваклер», 1997 – 314 с.

20. Бабаян Э.А. Гонопольский М.Х. Наркология: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Медицина, 1990.

21. Бабочкин П.И. Студент как субъект учебно-воспитательного процесса в вузе // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение» 2004, № 2. www.zpu-journal.ru.

22. Белогуров С.Б. Наркотики и наркомания. – СПб.: Университетская книга, 1997.

23. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и со-зависимости. – Москва: МПА, 2001

24. Березин, С.В., Лисецкий, К.С., Самыкина, Н.Ю. Социальная адаптация наркозависимой молодежи, находящейся в ремиссии. – Самара : Изд-во «ОФОРТ», 2007. – 115с.

25. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
26. Борисов И.Ю. «Гедонистический риск» в неформальных объединениях молодежи // Сов. пед. 1988. № 7. С. 60–64.
27. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
28. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
29. Братусь Б.С. Смысловая вертикаль сознания личности // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 81-89
30. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 9–33.
31. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1991. №6. С. 3–11.
32. Брушлинский А.В. Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003.
33. Бубнова С. С, Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. – 1999. – № 5. – С. 38-44.
34. Будинайте Г. Л., Корнилова Т. В. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта // Вопр. психол. – 1993. – Т. 14. – № 5. – С. 99-105.
35. Васильева Ю.А Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. № 2. С. 58-75.
36. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
37. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 284-314.
38. Вачков И. В. Дерябо С. Д. Окна в мир тренинга. – М.: Речь., 2004. – 272 с.

39. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
40. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т5. – 368 с.
41. Гарифуллин Р.Р. Психокоррекция смысловых структур наркозависимой личности /автореф. дисс. канд. психол. наук. Казань, 2000.
42. Глас Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в психологии и педагогике. – М.: Прогресс, 1976
43. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 256-269.
44. Гребенникова Э.А. Саморегуляция личности в индивидуальном стиле жизнедеятельности. Автореф. дисс...канд. психол. наук. – М., 1995 – 25 с.
45. Гримак Л.П. Общение с собой. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 205 с.
46. Гудечек Я. Ценностная ориентация личности // Психология личности в социальном обществе: Активность и развитие личности. – М., 1989. С. 102-110.
47. Гульдман В.В., Романова О.Л., Сиденко О.К. Подросток-наркоман и его окружение / Вопросы психологии 1993. №2 с.44-51
48. Данилин А. LSD, галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. – М. Центрполиграф, 2003
49. Дильтей В. Описательная психология. – СПб.: «Алетейя», 1996. – 160 с.
50. Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. – 1974. – № 5. – С. 67-76.
51. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с франц. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
52. Елшанский С.П. Психосемантические методы исследования внутреннего опыта больных опийной наркоманией // Вопросы наркологии. – № 1. – 2000. – С. 75-78.

53. Еникеева Д. Д. Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 144 с.
54. Ермолаева М.В. Субъектный подход в психологии взрослого человека (вопросы и ответы). – М.: НПО «МОДЭК», 2006. – 200 с.
55. Журавлева О.В., Зуева С.П., Нижегородова М.Н. «Путешествие во времени». Методические рекомендации по курсу профилактических занятий для подростков. Серия «Работающие программы». Выпуск 4. – М., 2000.
56. Залесский Г. Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. – М., 1994. – 142 с.
57. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 222 с.
58. Зинченко В.П. «Миры сознания и структуры сознания» // Вопросы психологии, 1991. – №2. – С.16-36.
59. Знаков В.В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 383 с.
60. Изард К.Е. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980.
61. Калитеевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. С. 231-238.
62. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб: Питер, 2000. – 944 с.
63. Карпинский К.В. Человек как субъект жизни. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 280 с.
64. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. СПб., Речь, 2000 – 576с.
65. Килина И.А. Теоретические предпосылки исследования проблемы деформации ценностно-смысловой сферы личности как фактора наркозависимости подростков // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 410 с

66. Клименко И.Ф. Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. – М., 1992. – С. 3-12.
67. Кон И.С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). – М.: Просвещение, 1979. – 174 с.
68. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопр. психол. 1995. № 1. С. 5-12.
69. Конопкин О.А. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности. – М., 1989.
70. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопр. психол. 1989. № 5.
71. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
72. Краснорядцева О.М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов // Сибирский психол. журн. – Томск, 1998. – № 7. – С. 25-29.
73. Кривцова С.В. и др. Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис, 1997.
74. Кудрявцев И.А., Морозова Г.Б., Потнин А.С. и др. Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 88-93.
75. Курек Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте. – СПб.: Алетейя, 2001.
76. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97-110.
77. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975, – 304 с.

78. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. Том 11. М. «Педагогика», 1983.

79. Леонтьев Д.А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / вступит. стат. к книге В. Франкл. Человек в поисках смысла. – М., Прогресс, 1990. – С. 5-22.

80. Леонтьев Д.А. Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – М., 1997. С. 3-18.

81. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство). – М.: Смысл, 1999. – 36 с.

82. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1997. – 64 с.

83. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал, т. 21, 2000, № 1, С. 15-25.

84. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 1999.

85. Лисецкий К.С. «Другая реальность» при возникновении наркотической зависимости личности. // Психологические исследования. Сб.науч.трудов. Вып.6., Самара: Универс-групп, 2008.

86. Лисецкий К.С. Потребность субъекта в «саморегуляции неизвестного» // Фундаментальные проблемы психологии: личность в исторической психологии. Материалы научной конференции 23-25 апреля 2002г.

87. Лисецкий К.С. Решение задач взросления как основа разработки программ профилактики наркомании в среде старшеклассников // Психологические исследования. Сб.науч.трудов. Вып.6. – Самара: Универс-групп, 2008.

88. Лисецкий К.С. Субъектность как психологического основания профилактики наркозависимости личности // Вестник Самарского государственного университета, Самара, 2006.

89. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология негативных зависимостей. – Самара: «Универс групп», 2006.

90. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология независимости. – Самара: «Универс-Групп», 2003, 144с.
91. Литягина Е.В. Духовность и наркомания: психологический аспект // Психологические исследования: сб.н.тр.: Выпуск 8 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. Самара: «Универс-групп», 2010.
92. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995 – 552 с.
93. Маслоу А. Психология бытия / пер. с англ. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 304 с.
94. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. 425с.
95. Менегетти А. Система и личность. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. – 352 с.
96. Милославова И. А. Роль социальной адаптации в условиях современной НТР // Философия и социальная психология: Науч. докл. – Л., 1979. — С.232-136.
97. Минков Е.Г. О совокупности условий, необходимой и достаточной для формирования зависимости от психоактивных веществ. // Вопросы наркологии. – № 3. – 2000. – С. 51-60.
98. Моложавенко А.В. Коммуникативная подготовка педагога к работе по профилактике аддиктивного поведения подростка: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Волгоград, 2002.
99. Моросанова В. И. : Категория субъекта: методология и исследования // Вопросы психологии. – №2 – 2003. – с.140-145.
100. Моросанова В. И., Аронова Е. А. Самосознание саморегуляция поведения. – М.: Издательство: ИП РАН, 2007 – 213 с.
101. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Вопросы психологии. – №6 -1997.
102. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии – №1 – 1991.
103. Моросанова В.И., Плахотникова И.В. Осознанная саморегуляция: пути развития в юношеском возрасте // Вестник РГНФ. 2004, №1 – С. 96-104.

104. Насиновская Е.Е. Методы исследования мотивации личности. Опыт исследования личностно-смыслового аспекта мотивации. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 80 с.

105. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. – СПб.: Речь, 2004.

106. Наумова И. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М., 1988. – 199 с.

107. Немов Р.С. Психология. Книга 1. Основы общей психологии. – М.: Просвещение, 1990. – 301с.

108. Оллпорт Г. Личность в психологии. – СПб.: «Питер», 1998. – 345 с.

109. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

110. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5 – 19.

111. Осницкий А.К. Саморегуляция деятельности школьника и формирование активной личности. – М.: Знание, 1986. – 80 с.

112. Пазухина, С.В. Исаев Е.И. Формирование ценностно-смыслового отношения к психологии у будущих педагогов // Вопр. психол. – 2004. – № 5. – С. 3-11.

113. Перлз Ф. Практикум по гештальттерапии. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2000. – 240с.

114. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: МГУ, 1983.

115. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – 2005 (первое издание) – М.: изд-во МГУ, 1997.

116. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону, 1996.

117. Петровский В.А. Личность: феномен субъектности. – Ростов-на-Дону, 1993. – 67с.

118. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. – М., 1992.

119. Плахотникова И.В., Моросанова В.И. Регуляторная роль отдельных личностных качеств в индивидуально-типических проявлениях саморегуляции произвольной активности // Журнал прикладной психологии, 2004, №1. – С. 23 – 30.

120. Пономарев Я.А. Психология творческого мышления. – М.: Изд-во АПН СССР, 1960. – 352 с.

121. Прангишвили А. С. Проблема установки на современном уровне разработки грузинской психологической школы // Психологические исследования. – Тбилиси, 1973. – С. 10-26.

122. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: ГУСО «Перспектива» 2005. – 272 с.

123. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1979. – 239 с.

124. Психологические основы профилактики наркомании в семье / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

125. Психологические особенности наркоманов периода взросления / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара, 1998.

126. Пятницкая И.Н. Наркомания. – М.: Медицина, 1994.

127. Пятницкая И.Н., Шаталов А.И. Девиантное поведение подростков: наркотизм, криминальность, экстремизм. – М., 2004. 34.

128. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. – № 5, № 7. – С.144-151.

129. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

130. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990.

131. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1976 – 424 с.

132. Рыбалко Е.А. Становление личности // Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 20-31.

133. Сагатовский В. Н. Соотношение повторяющегося и неповторимого – основная проблема гуманитарной методологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию про-

фессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 115–119.

134. Самыкина Н.Ю., Серебрякова М.Е. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации. – Самара: изд-во «Универс групп», 2007. – 148 с.

135. Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А. Профилактика негативной зависимости в студенческой среде: вопросы и ответы. – Самара. 2007. – 124 с.

136. Серебрякова М.Е. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации // Сборник материалов конференции «Проблемы и перспективы профилактики и реабилитации негативной зависимости среди несовершеннолетних и молодежи в Самарской области». – Самара: ООО «Офорт», 2006.

137. Серебрякова М.Е. Изменение содержания ценностно-смысловой сферы личности при формировании наркотической зависимости // «Известия СНЦ РАН» «Педагогика и психология» №2, 2008. С. 178-182

138. Серебрякова М.Е. Наркоманская субкультура как социальное условие динамики ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 5 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Универс-Групп», 2007. – С. 213-224

139. Серебрякова М.Е. Особенности личностного выбора наркозависимых // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 3. / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Универс-Групп», 2006. – С. 233-243.

140. Серый А. В, Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999 – 92 с.

141. Серый А.В. – Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 186 с.

142. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. -СПб.: ООО Речь, 2003. – 350 с.

143. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Программа формирования здорового жизненного стиля. Серия «Работающие программы». Выпуск 5. – М., 2000.

144. Слостенин В.А., Исаев И.Ф, Шиянов Е.Н. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Слостенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.

145. Соколов Э.В. Культура и личность. – Л.: Наука, Лен. отд., 1972.

146. Соловов А.В. «Навыки жизни». Программа ранней профилактики химической зависимости для детей 9-12 лет. Серия «Работающие программы». Выпуск 2. – М., 2000.

147. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. М.: Прометей, 1993. – 199с.

148. Софронов А. Г. Опийная наркомания: Учеб. пособие. – СПб.: Воен.-мед. акад., 1998 – 57 с.

149. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии. 1996. № 4.

150. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. – 1998. – № 3. – С. 90-97.

151. Татенко В.А. О структуре социально-психологических механизмов формирования личности // Личность и деятельность: Тезисы докл. к V Всесоюзному съезду психологов. – М., 1977.

152. Теории личности в западноевропейской и американской психологии. – Самара: «Бахрах», 1996.

153. Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когни-

тивной и мотивационно-потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. -1998. -№3. –С.80–90.

154. Тихомиров О.К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К. Тихомиров. – М.: Наука, 1977. – С. 5–20.

155. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 87 с.

156. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 124 с.

157. Узнадзе Д. Н. Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 87-91.

158. Фанталова Е. Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психол. журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 21- 29.

159. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. – СПб.: Речь, 2000. – 286 с.

160. Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. —368 с.

161. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Мн.: АСТ, 2000. 672 с.

162. Хайкин В. Л. Субъект и субъектность в определении активности // Субъект действия, взаимодействия, познания : Психологические, философские, социокультурные аспекты / Отв. редактор Э.В. Сайко. – М., Воронеж: Московский психолого-социальный институт; МОДЭК, 2001. – с. 91-102.

163. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: «Питер», 2003. – 408 с.

164. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / Пер. с англ. – М.: Универс, 1993. – 480 с.

165. Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. – М.: Интерпракс, 1995. – 288 с.

166. Шабалина В.В. Психология зависимого поведения: На примере поведения, связанного с употреблением наркотиков и других психоактивных веществ. – СПб.: Изд.- во С.Петербург. ун-та, 2004. – 336 с.

167. Шабанов П. Д. Руководство по наркологии. – СПб., 1998.

168. Шабанов П. Д., Штакельберг О. Ю. Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация / Под ред. А. Я. Гриненко. – СПб: Лань, 2000. – 368 с.

169. Шайдукова Л.К., Цетлин М.Г., Мельчихин С.И. Социально-психологическое и клиническое значение сленга русскоязычных больных алкоголизмом и наркоманиями // Вопросы наркологии. – № 2. – 1999. – С. 70-74.

170. Шаров А. С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : Новосибирск, 2000. – 383 с.

171. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

172. Шпунтова В.В. К проблеме ценностей: местоположение смысловых универсалий в структуре личности./ Психологические исследования: сб. науч. тр. Выпуск 3. – Самара: «Универс-Групп», 2006. – С. 207-223.

173. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.

174. Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London : Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119-143.

175. Gadamer H.-G. On the Problem of Self-Understanding // Philosophical Hermeneutics / Translated and edited by D.E. Linge. Berkeley , Los Angeles , London : University of California Press, 1977. P. 44-58.

176. Deci E., Ryan R. The dynamics of self-determination in personality and development // Self-related cognitions in anxiety and motivation / Ed. R. Schwarzer. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 171-194.

177. Deci E., Ryan R. A motivational approach to self: Integration in personality // Perspectives on motivation / Ed. R. Dienstbier. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. V. 38. P. 237-288.

178. Kaplan R.M., Sallis J.F., Patterson T. L. Health and human behavior. USA, 1993. P. 56-58.

179. Schroeder D. Is there a relationship between self-esteem and drug use? // J. Drug. Issue. 1993. V.23. N4. P.645-665.

180. Schwartz S.H., Bilsky W. (1987) Toward a Universal Psychological Structure of Human Values//Journal of Personality and Social Psychology. – Vol.53. – №3. – P.550-562.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Лисецкий Константин Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития СамГУ, декан психологического факультета (Глава 1, 2, Введение, Заключение).

Область научных интересов: организационно-экономическая психология; трансперсональная психология; профилактика негативных зависимостей; юридическая психология: переговорные процессы; логоневрозы.

Литягина Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития СамГУ, психолог-консультант (Глава 1, 3, Введение, Заключение).

Область научных интересов: психосемантика, психолингвистика, профилактика негативных зависимостей, психосинтез, трансперсональная психология, арт-терапия, символдрама, организация образовательной среды.

Самыкина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития СамГУ, психолог-консультант (Глава 2).

Область научных интересов: социальная психология развития, социализация и социальная адаптация, психология взросления, профилактика зависимостей, психология значимого взрослого, конфликтология.

Серебрякова Мария Евгеньевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии СамГУ, психолог-консультант (Глава 3, 4).

Область научных интересов: профилактика негативных зависимостей, индивидуальное консультирование, групповая психотерапия, разрешение подростковых и юношеских проблем и конфликтов.

Ушмудина Оксана Александровна – ассистент кафедры социальной психологии СамГУ, психолог-консультант (Глава 2).

Область научных интересов: развивающий характер образовательной среды; профессиональное становление студента; студенческая субкультура; методология тренинговой работы, профилактика негативных зависимостей.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСИМОСТИ: профессиональный тезаурус

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет *В.И. Никонова*

Подписано в печать 06.12.11

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 6,28. Тираж 500 экз. Заказ № 2113.

Издательство «Самарский университет», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано с готового оригинал макета на УОП СамГУ